

Ямсков А.Н. Население лесной зоны Сибири и Дальнего Востока в первой половине 1990-ых гг.: права различных этносоциальных групп на биоресурсы и зависимость от них // Этнические проблемы регионов России. Северный Кавказ. Калининградская область. Крайний Север. Ред.: Дубова Н.А., Лопуленко Н.А. – М.: Старый сад, 2002, с. 277-337.

А.Н. Ямсков

Население лесной зоны Сибири и Дальнего Востока в первой половине 1990-ых гг.: права различных этносоциальных групп на биоресурсы и зависимость от них

Данная работа представляет собой одно из экспертных исследований, выполненных автором для Всемирного Банка и прежде не публиковавшееся¹, с небольшими добавлениями из ряда других экспертиз и рецензий, также подготовленных по заказам этой международной организации. Предлагая данный весьма специфический по жанру текст к публикации, автор надеется, что, возможно, читателю будет интересно познакомиться как с одним из вариантов “этнологической экспертизы”, осуществленной в относительном соответствии с требованиями известного во всем мире заказчика прикладных этнолого-социологических разработок, так и с некоторыми сведениями и выводами о причинах и масштабах ряда социальных проблем различных этнокультурных групп населения Сибири и Дальнего Востока, прямо или косвенно связанных с характером использования ими возобновимых природных ресурсов лесной зоны страны.

Предыстория появления этих экспертных исследований такова. В самом начале 1990-ых гг. автор в составе группы сотрудников Сектора этнической экологии Института этнографии АН СССР принял участие в разработке программы комплексных этноэкологических исследований соседних групп старожильческого русского и коренного населения Алтая и Забайкалья, в том числе выезжал в пилотные экспедиции в Горный Алтай (лето 1990 г.) и Бурятию (лето и осень 1991 г.). К сожалению, начавшиеся в то время кардинальные изменения в системе финансирования научных исследований прервали эти усилия, но даже первый опыт работ в Забайкалье позволил

С. 277

собрать интересные материалы и представить их, в соавторстве с Н.А. Дубовой, в докладе на XIII Конгрессе Международного союза антропологических и этнологических наук [МСАЭН]

(Мехико, 29 июля - 4 августа 1993 г.)². Доклад послужил основанием для поступившего соавторам приглашения вступить в Комиссию МСАЭН “Антропология в политике и практике”, организованную профессором Мариэттой Баба (США) на том же Конгрессе МСАЭН в Мексике, а также опубликовать часть этих материалов в обзорной статье в первом сборнике трудов данной Комиссии³.

Работа в Комиссии МСАЭН по прикладной антропологии в середине 1990-ых гг., кстати, во многом предопределила интерес автора к прикладным этнологическим исследованиям и помогло лучше познакомиться с некоторыми наиболее распространенными в мире подходами к прикладной культурной антропологии (applied anthropology)⁴. Кроме того, указанный доклад по Байкальскому региону был замечен антропологами и социологами Всемирного Банка, присутствовавшими на Конгрессе МСАЭН в Мехико, и по их инициативе после серии консультаций по вопросам коренного населения и современного природопользования в Сибири автор был приглашен к сотрудничеству в качестве эксперта-этнолога.

Работа со Всемирным Банком в основном была связана с осуществленным в середине 1990-ых годов в России Лесным проектом⁵. Первоначально зимой 1994-1995 гг. проводились экспедиционные исследования в составе международной “полевой миссии” экспертов и сотрудников Всемирного Банка (Хабаровский и Красноярский края, руководитель - доктор Хорст Вагнер) и на их основе для непосредственных исполнителей Проекта было подготовлено

С. 278

обзорно-справочное исследование⁶. В связи с продолжением работ Всемирного Банка в России по данной тематике позднее была выполнена итоговая экспертная работа, которая и послужила основой настоящей публикации⁷.

¹ Правда, указанные экспертные работы послужили основой для последующей серии научных публикаций автора, на большинство из которых ниже даны ссылки.

² Dubova N., Yamskov A. Cultural and Medical Anthropology in Regional Social-Ecological Development Programs (The Baikal Project) // 13th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Abstracts. Mexico City, 1993, p. 116.

³ Yamskov A.N., Dubova N.A. Practicing Ethnology in Russia: An Overview // The Global Practice of Anthropology. Eds.: Baba M., Hill C. Williamsburg: College of William & Mary Press, 1997, pp.263-281 [Studies in Third World Societies, Publication №58]

⁴ Видимо, здесь уместно привести обзорные публикации данного рода - см.: Ямсков А.Н. "Ставя человека во главу угла". Обзор книг М. Черны по прикладным исследованиям в этнологии и социологии села // Этнографическое обозрение, 1995, №2, с.164-167; его же - Applied Social Research: Putting People First // Development News, Weekly Supplement [The World Bank, Washington], 1995, June 23, p.37; его же - Ситуация с прикладными этноэкологическими исследованиями в зарубежной этнологии // Методы этноэкологической экспертизы. Отв. ред.: Степанов В.В. М.: Институт этнологии и антропологии, 1999, с.41-60.

⁵ Подробнее об этом Проекте см.: Russia: Forest Policy during Transition. Washington: The World Bank, 1997, xiv + 283 pp.

⁶ Yamskov A. "Cultures and Social-Economic Problems of Ethnic Groups, Residing in the Forest Zone of Siberia and the Far East", март 1995, 6,2 а.л. - для доктора Хильмара Фелми, Всемирный Банк (г. Вашингтон, США); см. также

Помимо непосредственного участия в качестве эксперта-этнолога в выполнении Лесного проекта, автор также выступал в роли консультанта и рецензента иных проектов Всемирного Банка, прямо связанных с проблемами Севера и Сибири⁸. Небольшие отрывки из авторских частей указанных рецензий тоже вошли в текст данной работы.

Следует отметить, что Всемирный Банк вообще является пионером в развитии и использовании прикладных (социолого)-этнологических исследований, а изданная сотрудниками и экспертами Банка коллективная монография считается классическим руководством в этой области⁹. По свидетельству Майкла Черны, старшего советника во вопросам социальной политики и социологии Всемирного

С. 279

Банка, впервые появившиеся в штате этой организации в 1974 г. консультанты - антропологи и социологи - к началу 1990-ых гг. значительно упрочили свои позиции, приобрели заслуженный авторитет и тем самым способствовали созданию соответствующих специализированных подразделений Всемирного Банка. Например, проведенный в первой половине 1990-ых гг. анализ экономической эффективности проектов, финансируемых Всемирным Банком в предшествовавшие два десятилетия, принес следующие результаты: из 57 завершённых проектов 30 (то есть 53% из них) на стадии разработки готовились при активном участии социологов и этнологов (культурных антропологов), проработавших социальные и культурные аспекты их осуществления. В последней группе средний уровень экономической отдачи составил 18,5%, тогда как для проектов, разработанных без или при минимальном участии социологов и этнологов - только 9% (Последнее означает, что получатели помощи могли

сокращенный авторский перевод - Ямсков А.Н. "Культуры и социально-экономические проблемы этнических групп лесной зоны Сибири и Дальнего Востока" (1,5 а.л.). Позже переработанные или отредактированные разделы этой экспертной работы были включены составителями в итоговый текст Проекта (без указания их авторства) - см. в вышеуказанной коллективной монографии раздел "Annex G. Poverty, Unemployment, and the Social Safety Net in Forest Communities" на стр. 225-241, а также стр. 52-54, 83-84, 86. Перечень всех авторов и участников Проекта приведен на стр. x этой монографии - Russia: Forest Policy ..., 1997.

⁷ Ямсков А.Н. "Социально-культурные проблемы малочисленных народов Севера и местного населения в регионах осуществления Пилотного проекта по устойчивому лесопользованию", октябрь 1997 г., 5,7 а.л. - для доктора С.Е. Питовранова, Центр по подготовке и реализации проектов Всемирного Банка; см. также сокращенный авторский перевод на английский язык: Yamskov A. "Social-Cultural Problems of the Aboriginal Peoples of the North and of the Local Population in the Regions of the Pilot Project on Sustainable Use of Forests" (3,3 а.л.).

⁸ Ямсков А.Н. Комментарии к Предложениям по пересмотру Операционной Директивы №4.20 (от 29.06.1998 г.) и к исходному тексту Операционной Директивы №4.20 "Коренные народы" Всемирного Банка, 17 ноября 1998 г., 0,2 а.л.; его же - Комментарии к проектам Операционной политики Всемирного Банка №4.10 "Коренные народы" и Процедуры Всемирного Банка №4.10 "Коренные народы", октябрь 2001 г., 0,2 а.л.; его же - Отзыв на предварительный вариант Проекта Всемирного Банка "Социально-экономические проблемы миграции из районов Севера России" (Москва, август 1998 г., 26 с. + 11 с. приложений), октябрь 1998 г., 0,3 а.л. (итоговый отзыв на последний Проект, подготовленный Степановым В.В., Тишковым В.А., Функом Д.А., Чешко С.В., Ямсковым А.Н., был выслан в Московское представительство Всемирного Банка 19 ноября 1998 г.).

рассчитывать на тот же самый эффект и без осуществления проектов социально-экономического развития, а просто положив выделенные деньги в банк и собирая проценты.) Именно такого рода факты и реальная практическая отдача социолого-этнологической экспертизы обусловили существенную трансформацию внутренней политики Всемирного Банка: если, согласно инструкциям по подготовке проектов экономического развития, в 1971 г. требовались только "техническая, экономическая и коммерческая" экспертизы, то уже в 1983 г. наряду с ними и с экологической указана в качестве обязательной и "социологическая" экспертиза проектов¹⁰.

В нашей стране в 1990-ые г. также предпринимались активные усилия по разработке методики этнологической экспертизы. Вероятно, наиболее значительным результатом в этой сфере стало появление коллективной монографии, составленной и в значительной части написанной В.В. Степановым¹¹, а также ряд его отдельных статей¹². Хочется надеяться, что в скором будущем и в нашей

С. 280

стране этнологическая (или "этноэкологическая", "этносоциологическая", "социально-этнологическая") экспертиза также станет обязательной, как это уже произошло в не столь давнем прошлом с экологической экспертизой. В настоящее время, насколько известно, в Государственной Думе продолжается разработка законопроекта "Об этнологической экспертизе".

Предлагаемый ниже текст служит одним из примеров такого рода экспертизы, и именно желание автора познакомить специалистов с конкретным опытом подготовки экспертной работы обусловили подготовку этого текста к печати.

Впрочем, следует также учесть, что данный текст изначально был рассчитан на иностранных специалистов в области экономики, естественных или технических наук и потому многие из сюжетов могут показаться излишне банальными, но такова специфика жанра этно-

⁹ Cernea, Michael M., ed. *Putting People First: Sociological Variables in Rural Development*. 2nd ed., revised and expanded. New York: Oxford University Press, 1991, 575 + XXI pp.; см. также рецензию на нее - Ямсков А.Н. "Ставя человека во главу угла". Обзор книг М.Черны..., 1995.

¹⁰ Cernea M.M. *Sociological Work within a Development Agency: Experiences in the World Bank*. Washington: The World Bank Discussion Paper №51, August 1993. pp. 4-5, 12.

¹¹ Методы этноэкологической экспертизы. Отв. ред.: Степанов В.В. М.: Институт этнологии и антропологии, 1999, 299 с.

¹² Степанов В.В. Этнологическая экспертиза для изучения проблем межнациональных отношений // Этнические факторы в жизни общества. Ред.: Бабич И.Л., Миссонова Л.И., Новикова Н.И., Носенко Е.Э. М.: Институт этнологии и антропологии, с.26-40; его же - Необходим закон об охране этнокультурной среды // Юридическая антропология. Закон и жизнь. Ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. М.: "Стратегия", 2000, с.154-171; его же - Этнологическая экспертиза: проблемы теории // Этноэкологические исследования. Вып. I. Ред.: Григулевич Н.И., Ямсков А.Н. М.: Институт этнологии и антропологии (в печати).

логической экспертизы, выполняемой по запросу международной экономической организации.

Основные этнокультурные группы местного населения: терминология и ее значение

Согласно установившейся в СССР и России и воспринятой зарубежными учеными и политиками научной и политико-правовой терминологической традиции, все современное сельское население в районах Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока разделяется на три основные категории, перечисляемые ниже начиная с самой узкой и наиболее четко определенной в российском законодательстве. Разделение проводится по этническим границам либо, в случае с дифференциацией русского населения, по культурным границам. Необходимо подчеркнуть, что при таком подходе каждая последующая категория полностью включает в себя предыдущую /предыдущие/:

1. **Малочисленные народы Севера**, или аборигенные народы - aboriginal peoples, а также: indigenous minority peoples of the North, или: small Northern peoples, или же: small-in-numbers peoples of the North;
2. **Коренные народы Севера** - indigenous peoples of the North, или native peoples;
3. **Местное население Севера** - local population of the North.

Наиболее общее понятие - “местное население”, включающее в себя все современное население определенной территории

С. 281

безотносительно этнической принадлежности, культурной специфики либо давности проживания составляющих его групп и индивидов. В правовом /юридическом/ смысле данная категория тождественна “гражданам России”.

Определить удельный вес недавних мигрантов из других краев, областей и республик в составе этой категории сельского населения Севера и Сибири по статистическим данным крайне сложно, поскольку, во-первых, программы переселения жителей из небольших “неперспективных деревень” в более крупные сельские населенные пункты в 1960-ые - 1970-ые гг. затронули сельское население практически всей лесной зоны России, включая и очень многих (если не большинство) представителей малочисленных народов Севера¹³. Поэтому статистика показывает, что очень большая либо даже преобладающая часть жителей современных поселков родилась в других местах. Во-вторых, в Красноярском и Хабаровском краях не менее значительные миграции сельского населения были вызваны государственными про-

¹³ Неотрадиционализм на российском Севере. (Этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика). Ред.: Пика А.И., Прохоров Б.Б. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования, 1994, с. 18.

граммами освоения Сибири и Дальнего Востока, а также продолжающимся и поныне оседанием части лиц, освобождающихся после пребывания в местах заключения (последнее, кстати, особенно характерно для таежных поселков лесозаготовителей).

С учетом сказанного выше не вызывает удивления тот факт, что в 1994 г. в постоянном сельском населении рассматриваемых регионов доля лиц, родившихся вне мест современного постоянного проживания, была очень высока и составляла: Красноярский край - 45,5%; Хабаровский край - 54,5%¹⁴. Однако весьма значительную часть подобных “переселенцев” во всех этих случаях составляют местные уроженцы - прежние жители ныне исчезнувших близлежащих малолюдных деревень, вынужденно переехавшие в соседние более крупные населенные пункты в процессе осуществления государственных программ сселения сельского населения на центральные усадьбы колхозов, совхозов и, на Севере, госпромхозов и коопзверопромхозов.

Коренные народы, или “коренное население” Севера, Сибири и Дальнего Востока, включает в себя как все аборигенные /коренные малочисленные/ народы, так и крупные этнические общности

С. 282

(якуты, буряты, алтайцы, хакасы, тувинцы, сибирские татары) и группы русских старожилов, коми, карелов. Данная категория имеет существенную политическую нагрузку, ибо создается возможность отделения всего “коренного” населения от “пришлого”, или “мигрантов”, с целью наделения первых некоторыми фактическими (хотя, как правило, юридически не закрепленными) приоритетными правами, в первую очередь политическими типа представительства в местных и региональных органах власти. В частности, подобное разделение русского населения на “коренных /старожилов/” и недавних переселенцев /мигрантов/ широко бытует в политических дискуссиях и документах ряда партий и национальных движений в Якутии¹⁵, в Республике Коми и во многих других регионах¹⁶.

Четкого правового определения на уровне Федерального законодательства данная категория пока не имеет, и используется в основном в сфере политики и в быту. Однако в последнее время многие этнологи предлагают законодательно определить данную категорию населения Севера с целью предоставления ему льгот и привилегий в сфере традиционного хозяйства, земле- и природопользования, сходных с таковыми у малочисленных народов Се-

¹⁴ Основные итоги микропереписи населения 1994 г. М.: Госкомстат, 1995, с. 67, 74.

¹⁵ Зыков Ф.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха до и после выборов 12 декабря 1993 г. // Исследования по прикладной и неоложной этнологии. Документ № 71. М.: Институт этнологии и антропологии, 1994, с. 5; Иванов А.М. Этнополитическая ситуация в Республике Саха (Якутия) // Исследования по прикладной и неоложной этнологии. Документ № 61. М.: Институт этнологии и антропологии, 1994, с. 15

вера и действующих после реализации представителями малочисленных народов Севера их приоритетных прав в этой области¹⁷. Кроме того, в ряде региональных законодательных актов, регламентирующих земле- и природопользование в рамках традиционного хозяйства, указанная категория “коренных народов”, отличающихся от “малочисленных народов Севера”, уже активно употребляется в этих целях - в Якутии, как следует из контекста, в отношении якутов и русских старожилов, в Ханты-Мансийском автономном округе - в отношении русских старожилов и коми; впрочем, в последнем случае сходные права получает и особо выделяемая категория “новопоселенцев”¹⁸.

С. 283

В различных регионах Сибири доля старожильского населения среди местных русских достаточно велика. Например, в границах территории, примерно соответствующей современным Красноярскому краю, Хакасии, Таймыру и Эвенкии, согласно переписи 1926 г. местные уроженцы составляли 46% русского населения, или 495400 человек (численность всего коренного нерусского населения составляла тогда 395600 чел.). Вероятно, эти цифры лишь незначительно превышают численность и долю действительно старожильского русского населения региона, являющегося потомками первых поселенцев XVII - XVIII веков, поскольку активная крестьянская колонизация начала XX в. затронула лишь очень немногие южные районы указанного региона¹⁹.

Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, или “аборигенные народы Севера”, имеют закрепленный в Федеральном и региональных законодательствах особый льготный статус и приоритетные права в плане земле- и природопользования при ведении традиционного хозяйства - оленеводства, охоты и собирательства, рыболовства и морского зверобойного промысла²⁰. Отрасли традиционного хозяйства также определены законода-

¹⁶ Каарске G. Indigenous Identity Transition in Russia // *Cultural Survival Quarterly*, 1994, vol. 18, №2-3, p. 63.

¹⁷ См., например: Соколова З.П., Новикова Н.И., Ссорин-Чайков Н.В. “Этнографы пишут закон: контекст и проблемы” // *Этнографическое обозрение*, 1995, № 1, с. 76, 80, 86-87; Ямсков А.Н. Возможная дефиниция “территорий традиционного природопользования” в законодательстве о правах малочисленных народов Севера // *Notio juridicus: Материалы конференции по юридической антропологии*. Ред.: Новикова Н.И., Осипов А.Г. М.: Институт этнологии и антропологии, 1997, с.213-214.

¹⁸ Статус малочисленных народов России (правовые акты и документы). Составитель: Кряжков В.А. М.: Юридическая литература, 1994, с. 282, 311.

¹⁹ Русские старожилы Сибири. Ред.: Бунак В., Золотарева И. М.: Наука, 1973, с. 180-181.

²⁰ Подобные нормы были включены в Земельный кодекс, в предшествовавший и современный (1997 г.) варианты Лесного кодекса, в законы 1990-ых гг. об охране природы, об охоте, о рыболовстве, и в многочисленные законы регионов Сибири и Дальнего Востока. В оригиналах экспертных работ в виде разделов Приложений были представлены копии или подробные извлечения как из действовавших законов и нормативных актов, так и из готовившихся в то время федеральных и региональных законов. В частности, закон Хабаровского края о территориях традиционного природопользования был впоследствии опубликован автором - см.: Ямсков А.Н. Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. Документ № 96. М.: Институт этнологии и антропологии, 1996, с. 23-26. В данной публикации все эти разделы опущены, поскольку в настоящее время практически всю подобную информацию (естественно, исключая сведения о

тельно; вместе с народными промыслами (изготовлением “национальной” одежды, утвари, украшений и продуктов питания) они по сути

С. 284

составляют “Традиционный сектор” экономики, хотя в государственной экономической статистике этот сектор не фигурирует, а занятые в нем включены в состав работающих в сельском хозяйстве и, частично, рыболовстве.

Данная категория населения Севера законодательно выделяется с 1926 г., когда был впервые утвержден официальный список “малых народностей” или “мелких народностей” особым декретом ВЦИК и СНК от 15.X.1926 г. “Об утверждении Временного положения об управлении туземными народностями и племенами северных окраин РСФСР”. Этот первоначальный список включал народы, племена и роды, “ведущие бродячий, кочевой и полукочевой образ жизни”, но при условии, что они “не выделены в особые республики и области”, т.е. якуты, буряты, карелы, коми и другие крупные народы Севера и Сибири сюда не входили с самого начала²¹. Именно этот список, впоследствии измененный вследствие замены русских названий этих народов на самоназвания и серьезно сокращенный за счет объединения части субэтнических и родо-племенных групп с родственными народами, повторяется с тех пор во всех статистических сводках, справочниках, законодательных актах и т.п.

В 1989 г. в список входили 26 народов: ненцы, эвенки, ханты, эвены, чукчи, нанайцы, коряки, манси, долганы, нивхи, селькупы, ульчи, ительмены, удэгейцы, саами, эскимосы, чуванцы, нганасаны, юкагиры, кеты, орочи, тофалары, алеуты, негидальцы, энцы, ороки²². В 1989 г. малочисленные народы Севера насчитывали 181500 человек; в 1993 г. в их число были законодательно включены еще 4 народа - шорцы, тувинцы-тоджинцы, телеуты, кумандинцы, численность которых в 1989 г. составляла примерно 20000 человек; таким образом, в середине 1990-ых гг. в России официально выделялось 30 “малочисленных народов Севера”

законопроектах, находящихся в стадии разработки) можно легко найти в справочном издании: Статус малочисленных народов России. Правовые акты. Составитель: В.А. Кряжков. М.: изд. Тихомирова, 1999, 397 с. Особую роль в этой области призваны сыграть принятый в 1999 г. рамочный закон (см.: Комментарий к Федеральному закону о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации. Ред.: Крылов Б.С. М.: изд. Тихомирова, 1999, 153 с.) и федеральные законы “Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ” (от 20 июля 2000 г.), “О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ” (от 7 мая 2001 г.).

²¹ Национальная политика в России. Книга 2. Законодательные акты 1917-1992 гг. (социально-экономическое и культурное развитие народов Севера). М.: Институт этнологии и антропологии, 1992, с. 20.

²² Численность и состав населения народов Севера по данным переписи населения 1989 года. Том 1, Часть 1. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1992, с. 5.

общей численностью около 200 тысяч человек²³. Возможно, официальный список “коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока” в

С. 285

ближайшие годы будет продолжать пополняться, например, камчадалами, сойотами, теленгитами и некоторыми другими этническими группами численностью всего в несколько тысяч или даже сотен человек каждая²⁴.

Справочная информация о расселении и численности, современной структуре занятости и традиционном облике хозяйства, современном землепользовании и этнодемографических процессах среди коренных малочисленных народов Красноярского и Хабаровского краев представлены в Приложениях²⁵.

Понятие “Север” в России также определено юридически, причем в двух не вполне совпадающих значениях:

- “районы Крайнего Севера и приравненные к ним территории”;
- “районы проживания малочисленных народов Севера”.

Все местное население районов Крайнего Севера имеет определенные законами льготы (компенсационные выплаты, обязательные надбавки к зарплате, и т.п.) по сравнению с жителями других регионов страны; представители малочисленных народов Севера имеют дополнительные льготы и привилегии (в первую очередь в плане земле- и природопользования, а также пониженный возраст выхода на пенсию) в сравнении с остальным местным населением Севера, которые, однако, действуют только в пределах официально утвержденных “районов проживания”.

Очень небольшая часть “районов проживания малочисленных народов Севера” находится вне территории “районов Крайнего Севера” (как, например, в Хабаровском крае), но многие города и промышленные центры в пределах “районов Крайнего Севера” не относятся к “районам проживания малочисленных народов Севера”, так что последние не имеют на территории указанных городов и поселков своих особых льгот. Официальный список “районов проживания малочисленных народов Севера” и относящихся к ним отдельных сельских

²³ Ткаченко А.А., Корюкина А.В. К проблеме ратификации Российской Федерацией Конвенции МОТ № 169 “О коренных народах и народах, ведущих племенную образ жизни в независимых странах” // Этнографическое обозрение, 1995, № 3, с. 124. О расселении и численности всех этих 30 народов см.: Лопуленко Н.А. Народы Крайнего Севера России во второй половине 90-ых гг. XX в. Экономика. Культура. Политика. Обзор по материалам российской прессы. М.: Старый Сад, 2000, с. 10-11.

²⁴ 24.03.2000 г. Правительство утвердило расширенный Список коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, куда наряду с вышеуказанными 30 народами вошли также алгогорцы, камчадалы, кереки, сойоты, тазы, теленгиты, тубалары, челканцы, чулымцы - см.: Лопуленко Н.А. Народы Крайнего Севера ..., 2000, с. 18.

²⁵ В оригиналах экспертных работ Приложения также были привязаны только к этим краям и еще к Ленинградской области, охваченным Пилотным проектом Всемирного Банка по лесному хозяйству России.

администраций опубликован²⁶; соответствующая информация по регионам Пилотного проекта Всемирного Банка представлена в Приложениях.

Районы Крайнего Севера и приравненные к ним территории занимают 11 млн. кв. км; к началу 1990-ых гг. они имели 9,9 млн. человек населения и здесь добывалось 76% нефти и 92% природного газа, осуществлялось 26 % объема заготовок древесины (80 млн. кубометров). В районах проживания малочисленных народов Севера насчитывалось всего 1,6 млн. местного населения, из которых 9%, или примерно 140 тысяч человек, составляли собственно малочисленные народы Севера; в этих районах было сосредоточено 96% поголовья домашних северных оленей, производилось 52%

С. 286

закупок пушнины и 58% мяса диких копытных животных, вылавливалось 8% рыбы²⁷.

Основные социальные группы населения лесной зоны и их зависимость от состояния лесных экосистем

Оставляя в стороне соображения о важнейшей экологической роли лесных экосистем и, следовательно, о неизбежной заинтересованности всех групп населения страны в том, чтобы леса и впредь продолжали выполнять эту роль, остановимся на формах конкретной и прямо осознаваемой всем населением лесной зоны России зависимости от непосредственного использования лесов.

Прямая и опосредованная зависимость различных групп населения от состояния лесных экосистем на территории их проживания проявляется в следующих основных формах, перечисляемых ниже в порядке относительного возрастания указанной социо-культурной и экономической зависимости. Стоит учесть, что группы, расположенные в конце приводимого ниже списка, наряду с приоритетной для них формой зависимости от леса демонстрируют и большинство других, менее важных, но свойственных группам, стоящим в начале списка. Поэтому в списке для каждой социальной группы в скобках дано лишь краткое условное определение приоритетной формы зависимости этой группы населения от лесов (т.е. в большинстве случаев формы эксплуатации лесных экосистем), а также и возможный полный набор форм зависимости данной группы местного населения от использования лесных экосистем.

1. Жители городов и промышленных поселков, увлекающиеся туризмом и прогулками в лесу, сбором грибов, ягод и орехов, охотой и рыбной ловлей [**рекреация**²⁸]: Лес = один из

²⁶ Статус малочисленных народов России, 1994, с. 240-244, 248.

²⁷ Неотрадиционализм на российском Севере ..., 1994, с. 10-12.

²⁸ Хотя для растущей части населения в 1990-ые гг. рыбная ловля и собирательство стали приобретать определенное значение в структуре питания и получения денежных доходов за счет реализации части продукции на местных

основных рекреационных ресурсов, роль которого для большинства населения в 1990-ые гг. существенно возрастает параллельно снижению уровня благосостояния и доступности иных видов активного отдыха и туризма.

2. Жители городов и промышленных поселков, имеющие дома в деревнях или садово-огородные участки в сельской местности [**сезонное топливо**]: Лес = практически единственный источник топлива (дрова) и строительных материалов (бревна, жерди), используемых преимущественно в теплый период года (рекреация + сезонное топливо).

3. Местное сельское население и жители малых городов лесной зоны [**топливо**]: Лес = практически единственный источник топлива (дрова) и строительных материалов (бревна, жерди),

С. 287

используемых круглогодично (рекреация + топливо).

4. Рабочие деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности и члены их семей [**основная работа**]: Лес = источник продукции, обработка которой дает основные средства существования в виде зарплаты [(?) рекреация + основная работа]

5. Жители поселков лесозаготовителей [**социальные условия жизни**]: Лес = источник продукции, заготовка которой является условием существования этих поселков и, соответственно, всей их социальной инфраструктуры, обеспечивающей основные потребности всего населения (медицинское, школьное, транспортное, торговое, жилищно-коммунальное обслуживание) [социальные условия жизни + рекреация + топливо]

6. Работники лесозаготовительных предприятий и члены их семей [**единственно доступная работа**]: Лес = источник продукции, заготовка которой дает основные средства существования в виде заработной платы, причем иных вариантов занятости в большинстве случаев, то есть в лесных поселках лесозаготовителей, практически нет (социальные условия жизни + рекреация + топливо + единственно доступная работа).

7. Жители лесных поселков, кордонов и хуторов, занятые в лесном и охотничьем хозяйстве (лесничие, лесники и рабочие лесхозов, охотоведы и егеря) [**единственная работа и образ жизни**]: Лес = условие сохранения работы, то есть источник прямых (заработная плата) и косвенных (получаемых в результате охоты, собирательства, рыболовства) средств существования (рекреация + топливо + единственная работа и образ жизни).

8. Все коренное население сельских поселений в северных районах лесной зоны, занятое в Традиционном секторе (охота, рыболовство, оленеводство, собирательство) [**единст-**

рынках, тем не менее для большинства городского населения это все же не самый весомый источник пищи или денег, и потому можно определить данную зависимость именно как рекреационную.

венная работа, определяющая традиционный образ жизни и культуру]: Лес = среда обитания и условие сохранения традиционного хозяйства, культуры и образа жизни (рекреация + топливо + единственная работа, определяющая традиционный образ жизни и культуру).

9. Представители малочисленных народов Севера, ведущие традиционное хозяйство (оленоводство, охота и собирательство, рыболовство) **[источник средств существования и условие**

С. 288

сохранения этнокультурного своеобразия]: Лес = среда обитания и условие сохранения традиционного хозяйства, культуры и образа жизни, которые в свою очередь являются основной гарантией сохранения этнического и культурного своеобразия этих народов, то есть главным препятствием для их полной этнической ассимиляции окружающими гораздо более многочисленными и существенно более благополучными в социально-экономическом отношении народами (рекреация + топливо + источник средств существования и условие сохранения этнокультурного своеобразия).

В составе перечисленных девяти основных социальных групп населения лесной зоны лишь представители трех из них (группы №№ 4-6) прямо зависят от вырубки лесов, то есть в конечном счете от уничтожения лесных экосистем (но при этом группы №№ 5-6 непосредственно заинтересованы в неистощительном лесопользовании в местах своего расселения), тогда как представители остальных шести групп (группы №№ 1-3 и 7-9) жизненно заинтересованы в сохранении лесных экосистем в их исходном либо близком к нему состоянии.

Указанная группировка местного населения по его практическим интересам в сфере лесопользования проявляется и в общественной реакции на осуществление тех или иных проектов по промышленному использованию /вырубке/ лесов, что необходимо учитывать при подготовке Пилотного проекта.

Особо выделяется еще одна группа № 10, состоящая из политически активной “экологической общественности” - различные общегосударственные и региональные организации, действующие из крупных городских центров. Обычно в своей публичной деятельности эти группы исходят из приоритета защиты экологических функций лесов, однако они также активно поддерживают, а временами и стимулируют акции местного населения и представителей коренных малочисленных народов Севера, направленные на охрану лесов от сплошных рубок. Имеются яркие и хорошо описанные примеры таких солидарных действий “экологи-

стов” и местного населения, например, в Ленинградской области²⁹, или “экологистов”, защитников прав малочисленных народов и представителей самих этих народов в Приморском крае³⁰.

С. 289

Особенности земле- и природопользования основных групп населения лесной зоны и их взаимоотношения с лесной промышленностью и лесным хозяйством

Далее целесообразнее исходить из анализа интересов (и возможностей их отстаивания), свойственных выделенным в предшествовавшем разделе социальным группам - главным субъектам лесопользования, состав которых далеко не всегда совпадает с определенными выше основными тремя этнокультурными категориями населения лесной зоны России. Это означает, что в первую очередь будут рассматриваться проблемы и интересы социальной группы, выделенной под № 9, которая действительно в наибольшей степени зависит от сохраняющегося для нее доступа к использованию ненарушенных или слабоизмененных лесных экосистем. Однако ее составляет лишь часть, и при том меньшая часть, коренных малочисленных народов Севера. Арифметическое большинство представителей этих народов, ныне уже не ведущее традиционного хозяйства, по своим интересам и реальной зависимости от леса попадает в другие социальные группы лесопользователей, перечисленные выше.

Основные социальные группы - субъекты лесопользования: величина, уровень организованности и политической активности.

1. Жители городов и промышленных поселков, увлекающиеся туризмом и прогулками в лесу, сбором грибов, ягод и орехов, охотой и рыбной ловлей.

Жители городов и промышленных поселков, а также другие социальные группы населения, использующие земли Лесного фонда в целях рекреации, являются весьма многочисленным, социально активным и политически влиятельным компонентом населения во всех регионах лесной зоны страны. В их число входит немало представителей элитных и средних слоев общества (охотники и рыболовы, владельцы дач), и эта группа также тесно связана с экологическими активистами, в большинстве своем входящими в ее состав.

К сожалению, их численность определить практически невозможно. Вероятно, в эту группу входит более половины населения регионов; охота и рыболовство особенно популярны среди жителей Сибири и Дальнего Востока. О действительно важной роли этой социаль-

²⁹ Справка о результатах работы межведомственной комиссии по проверке состояния ведения лесного хозяйства в Выборгском, Приозерском и Всеволожском районах Ленинградской области?. Санкт-Петербург: Гринпис России и Центр охраны дикой природы, 1997.

³⁰ Шнирельман В.А. Бикинские удгейцы: политика и экология // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ №43. М.: Институт этнологии и антропологии, 1993, 23 с.

ной группы свидетельствует опыт изучения современного положения с лесопользованием на Карельском перешейке в Ленинградской области - именно ущерб, нанесенный рекреационному потенциалу данной территории в результате рубок леса, назван

С. 290

первой из причин недовольства населения области в отчете экспертов Гринпис³¹.

Причиной столь широкого современного распространения традиций собирательства, рыболовства и охоты, свойственных былой крестьянской культуре всех народов Восточной Европы, включая в первую очередь русских, является исторически очень позднее и частью искусственно стимулировавшееся государством развитие урбанизации (в 1930-ые - 1970-ые гг.) в сочетании с явно неблагоприятной экологической обстановкой в индустриальных центрах и определенными успехами школьного экологического образования населения. В результате большая часть современных горожан, родившаяся и выросшая в сельской местности либо проводившая лето в деревне у бабушек, получила в детстве указанные навыки и сохранила родственные либо дружеские связи среди жителей деревень, и к тому же осознала пользу активного отдыха в лесу. Широко распространенный сезонный найм горожанами дач в пригородных деревнях также поддерживает эту традицию, идущую, кстати сказать, с конца прошлого века, когда разночинцы и интеллигенция стали подражать в этом плане дворянству, изначально практиковавшему отъезд в свои сельские имения во время основных сельскохозяйственных работ для контроля за последними.

Учитывая реальную важность указанной социальной функции лесов, а также и политическую влияние заинтересованной группы лесопользователей, право населения на безвозмездное /бесплатное/ рекреационное использование земель Лесного фонда, включающее право на любительское собирательство, рыболовство и охоту, гарантируется в Лесном кодексе³². Такое же право предоставляется в ряде действующих региональных законов, определяющих статус "территорий традиционного природопользования" малочисленных народов Севера и их права на землю, в отношении любительского собирательства и рыболовства посторонним лицам на указанных территориях традиционного природопользования³³. В Хабаровском крае, в частности, численность всех профессиональных охотников составляет порядка 2,5 - 3 тысяч человек, тогда как только краевое Общество охотников и рыболовов насчитывает 45 тысяч охотников и 12 тысяч рыболовов, официально зарегистрированных,

³¹ Справка о результатах работы ..., 1997, с. 32.

³² См. статью № 86 - Лесной кодекс Российской Федерации // Охрана живой природы. Нижний Новгород, 1997, выпуск № 1 (6), с.22-62.

³³ См. статью № 2.3 "Временного положения ... Хабаровского края" - Ямсков А.Н. Территории традиционного землепользования ..., 1996 с. 25.

организованных в городские и районные общества и регулярно платящих членские взносы³⁴.

Данная группа лесопользователей отстаивает свои интересы через местные органы власти и прессу, экологических активистов. Впрочем, сфера ее внимания ограничена лесными территориями, окружающими города и поселки, либо отдельными охотничье-рыболовными угодьями, чаще всего выделенными в соответствующие заказники.

Видимо, конфликт интересов этого субъекта лесопользования с лесозаготовителями маловероятен при условии сохранения охранных лесных зон вблизи населенных пунктов и в местах активного отдыха населения, сбора ягод, грибов и орехов, любительской рыбной ловли и охоты. Все эти места хорошо известны местным работникам лесного хозяйства, и к тому же в большинстве своем должны автоматически исключаться из районов промышленных лесозаготовок согласно требованиям Лесного кодекса.

Исключениями могут быть районы Сибири и Дальнего Востока, где любительские охота и рыболовство распространены намного шире, в том числе среди жителей сельской местности и малых городов, и где соответственно данная группа лесопользователей заинтересована в доступе к промышленным лесным массивам. В данном случае для предотвращения негативной общественной реакции на планы промышленных лесозаготовок необходимо проводить предварительные консультации с региональными Обществами охотников и рыболовов, гарантируя им сохранность части используемых лесных угодий или же совместными усилиями с органами лесного хозяйства находя для них альтернативные и доступные угодья.

2. Жители городов и промышленных поселков, имеющие дома в деревнях или садово-огородные участки в сельской местности.

Данный контингент населения также весьма велик в большинстве регионов страны. В 1994 г. земельные участки (приусадебные участки, садовые или дачные участки, огородные участки) имели 46% городских домохозяйств России, в том числе в Санкт-Петербурге - 26,6%, в Москве - 21,4%. В регионах Пилотного проекта среди всех домохозяйств жителей городов и сельской местности земельные участки имели: Ленинградская область - 63,1%, Красноярский край - 57,2%, Хабаровский край - 59,6%³⁵.

Итак, порядка 60% жителей страны составляет данную и нижеследующую группы лесопользователей, взятые вместе; их

³⁴ Там же, с. 7.

³⁵ Основные итоги микропереписи ..., 1995, с. 99, 100, 103.

заинтересованность и политическая активность также весьма велики, что, например, уже было специально отмечено в отношении владельцев садово-огородных участков на Карельском перешейке Ленинградской области, выступивших с активными протестами против вырубki местных лесов³⁶.

Сфера интересов этой группы лесопользователей замыкается в очень узких пределах лесных массивов, непосредственно окружающих деревни и дачные поселки и, как правило, входящих в охранные либо зеленые зоны. Однако они могут действовать весьма активно в отстаивании своих прав и интересов, как через местные органы власти, так и организовывая кампании протеста в прессе и заручаясь поддержкой экологических активистов. Впрочем, вероятность конфликта лесозаготовителей с этой группой крайне мала.

Существенно выше вероятность конфликта данной группы лесопользователей с органами лесного хозяйства, поскольку значительная (если не преобладающая) часть топлива и строительных материалов заготавливается ими нелегально. Правда, владельцы домов в деревнях обычно оформляют рубку леса на топливо от лица своих местных родственников-пенсионеров, освобожденных от оплаты за пользование землями лесного фонда³⁷, однако часты и случаи браконьерских рубок. Владельцы садово-огородных участков чаще всего сотрудничают с местными лесничествами, поставляющими им на коммерческой основе дрова и лесоматериалы, получаемые в ходе рубок ухода или санитарных рубок, но они также занимаются и нелегальными рубками леса.

В случае конфликтов представителей лесного хозяйства с данной группой лесопользователей интересы последних представляют местные органы власти (сельские администрации) либо правления садово-огородных товариществ.

3. Местное сельское население и жители малых городов лесной зоны.

Данная группа лесопользователей представляет собой преобладающее большинство сельских жителей лесной зоны, и в отличие от предыдущей действительно жизненно заинтересована в постоянном пользовании окрестными лесами. В сравнении с владельцами садово-огородных участков эти люди менее организованы и менее влиятельны, но зато прямо контролируют выборные органы местной власти и потому могут весьма эффективно действовать через эти органы.

С. 293

Конфликты данной группы с лесозаготовителями почти исключены (если при промышленных рубках не нарушаются правила сохранения лесов вблизи населенных пунктов), одна-

³⁶ Справка о результатах работы ..., 1997, с. 32.

³⁷ Статья № 107 - Лесной кодекс Российской Федерации ..., 1997.

ко возможны конфликты жителей деревень с органами лесного хозяйства из-за браконьерских порубок. Жители малых городов обычно снабжаются дровами местными лесхозами и потому они выступают в роли скорее потребителей, а не собственно пользователей.

4. Рабочие деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности и члены их семей.

Данная группа весьма малочисленна, сосредоточена в крупных городах и промышленных центрах, где, как правило, есть и другие виды занятости и доступны альтернативные рабочие места. Ее социальные проблемы теснейшим образом связаны с экономическим состоянием Лесного сектора и являются производными от последних, так что эта группа заинтересована в развитии отрасли и в масштабных лесозаготовках.

На примере Красноярского края, Эвенкии и Таймыра в 1993 г. видно, что из общего числа работающих в эту группу входило всего 2% населения (включая 1,8% занятых в деревообработке и 0,2% занятых в целлюлозно-бумажной промышленности) [см. подробнее Приложения]. К сожалению, по другим регионам нет сведений о занятости конкретно в этих отраслях, но, вероятно, порядок соответствующих показателей практически такой же, ибо общая занятость в лесном секторе (лесное хозяйство, лесозаготовка, деревообработка и целлюлозно-бумажная промышленность) практически везде составляет около 4,5% - 6% (см. Приложения).

Интересы данной группы лесопользователей представляют профсоюзные организации, а также администрация соответствующих предприятий.

5. Жители поселков лесозаготовителей.

Вся социальная инфраструктура лесозаготовительных поселков зависит от экономического благополучия основного предприятия, а это означает зависимость социальных условий жизни всех жителей таких поселков от успешной хозяйственной деятельности лесозаготовителей. По данным 1989 г., примерно 18% лесозаготовителей и работников лесного хозяйства проживали в такого рода лесных поселках, имевших в среднем по 470 жителей; необходимо подчеркнуть, что только 37% обитателей этих лесных поселков работали в Лесном секторе, тогда как большинство жителей - в других отраслях хозяйства³⁸.

С. 294

Таким образом, можно ориентировочно считать, что население лесной зоны России, социальные условия жизни которого полностью зависят от экономического благополучия поселков лесозаготовителей, почти втрое превышает численность живущих в такого рода по-

³⁸ Результаты социологического исследования предприятий лесного хозяйства". М.: изд. Государственного комитета по лесу, 1990, с. 73.

селках работников лесного сектора. Можно даже ориентировочно оценить общую численность этой категории населения - примерно 0,5% - 1% от всего числа занятых по регионам лесной зоны, расчеты исходят из того, что проживавшие в лесных поселках работники лесного хозяйства и лесозаготовительных предприятий составляли пятую часть всех работников лесного хозяйства и лесозаготовительных предприятий, и с учетом прекращения деятельности лесозаготовителей во многих отдаленных лесных поселках в 1990-ые гг. (условно оценим это сокращение в два раза) и того, что по регионам пилотного проекта работники указанных отраслей составляют 2% - 4% всех работающих.

Уровень зависимости этой социальной группы от неистощительного и экономически эффективного промышленного лесопользования очень высок, ибо альтернативных лесозаготовительным предприятиям организаций, способных поддерживать социальную инфраструктуру в лесных лесозаготовительных поселках, просто нет и не предвидится. Кризис лесозаготовительной промышленности крайне болезненно сказался на этой социальной группе, хотя формально она и не связана непосредственно с лесным сектором экономики с точки зрения сферы занятости этих людей.

Интересы этой группы могут выражать инициативные группы жителей, а отчасти - местные органы власти лесозаготовительных поселков или профсоюзные организации лесозаготовителей, также прямо заинтересованные в сохранении и развитии социальной инфраструктуры в лесных поселках.

6. Работники лесозаготовительных предприятий и члены их семей.

Все, сказанное выше, прямо и в еще большей степени относится к примерно пятой части работников лесозаготовительных предприятий. Последние в Красноярском крае вместе с Эвенкией и Таймыром составляли, например, в начале 1990-ых гг. 3,8% занятых (см. Приложение). Эти люди не просто полностью зависят от социальной инфраструктуры лесных поселков, но и получают средства существования за счет работы на лесозаготовках; в таких поселках альтернативных вариантов занятости практически нет.

Немногим легче положение большинства остальных работников лесозаготовительных предприятий - они, как правило, тоже являются жителями небольших сельских населенных пунктов или малых городов, где также практически невозможно или очень трудно найти

С. 295

работу в других отраслях экономики. Согласно исследованиям социальных условий жизни работников лесного хозяйства и лесозаготовительных предприятий, 31% из них проживал в

населенных пунктах с численностью населения менее 500 человек, и еще 34% - в деревнях и поселках с населением от 500 до 1000 человек³⁹.

Интересы этих людей защищают профсоюзные организации; именно эта социальная группа в наибольшей степени заинтересована в неистощительном и экономически эффективном лесопользовании.

7. Жители лесных поселков, кордонов и хуторов, занятые в лесном и охотничьем хозяйстве (лесничие, лесники и рабочие лесхозов, охотоведы и егеря).

Даже без учета егерей (Главохота) и рыбинспекторов (Госкомрыболовство), работники лесного хозяйства составляли 0,7% занятых в Хабаровском и 0,5% занятых в Красноярском краях (см. Приложение). Очень многие, если не большинство из них, живут на изолированных кордонах и хуторах, что требует от этих людей особого склада характера и умения и желания вести подобный образ жизни. В данном случае мы имеем дело не просто с профессией или видом занятости, но действительно с весьма определенным и далеко не простым образом жизни. Среди всех работников лесозаготовительных предприятий и организаций лесного хозяйства 4,5% проживали в подобных условиях⁴⁰, так что в отношении собственно лесников эта доля должна быть много выше.

Данная социальная группа в полном смысле слова живет в лесу и именно от работы в лесу получает все средства существования, к тому же такой образ жизни является их осознанным выбором.

Интересы и права этих людей защищают профсоюзные организации и администрация соответствующих служб.

8. Все коренное население сельских поселений в северных районах лесной зоны, занятое в Традиционном секторе (охота, рыболовство, оленеводство, собирательство).

Поскольку мы рассматриваем малочисленные народы Севера особенно подробно, то в нарушение формальной логики они не включаются в данную группу, а выделяются ниже в отдельную группу населения Севера, зависящего от лесных экосистем.

Промысловая охота и рыболовство как основной источник средств существования стали отличительной чертой культуры русских старожилов в северных районах Сибири и Дальнего Востока с момента проникновения первых поселенцев в эти регионы в XVII-XVIII веках,

С. 296

что сохранялось практически до середины XX в. Например, группы русских старожилов Таймыра и низовьев Колымы и Индигирки специализировались на охоте на дикого северного

³⁹ Там же, с. 13-14, 70, 95, 107.

⁴⁰ Там же, с. 13-14.

олени как на основном источнике продуктов питания вплоть до последних десятилетий⁴¹. Во многом традиционный охотничье-рыболовецкий уклад хозяйства и соответствующий образ жизни промысловиков сохраняют возникшие до XIX в. старожильческие русские группы в низовьях Енисея (Красноярский край) и на Охотском побережье (Хабаровский край); впрочем, специализация на охоте и рыболовстве вообще характерна для большинства сельского русского населения в районах, где земледелие в силу почвенно-климатических причин невозможно либо непродуктивно. В других регионах Сибири группы якутов и коми, наряду с охотой и рыболовством, уже более полутора веков практикуют и крупностадное кочевое оленеводство в тундре и в северной тайге.

Таким образом, хотя в быту коренного населения Сибири и Севера в районах тесного соседства и смешения представителей малочисленных народов с другими местными этническими группами и сохранилось представление о том, что ориентация на оленеводство или промысловую охоту свойственна прежде всего аборигенным народам, а на скотоводство или, где это возможно, на земледелие - якутам или русским⁴², в действительности уже ряд столетий четкой границы между этими народами с точки зрения вариантов занятости и способов получения средств существования нет, как нет и принципиальной разницы в образе жизни у охотников-промысловиков или кочевых оленеводов разной национальности.

К сожалению, отсутствие в статистике сведений по отраслям традиционного хозяйства не позволяет оценить численность и этнический состав данной группы населения. Приводимые в таблице № 3 (Приложение) сведения о доле “профессиональных” охотников и рыболовов среди якутов и эвенков крайне условны и искусственно занижены - большая часть жителей северных районов работала в оленеводческих совхозах и потому учитывалась как “рабочие совхозов”, то есть как работники сельского хозяйства, хотя они занимались именно охотой, рыболовством и оленеводством в соответствующих бригадах.

С. 297

Вероятно, эта социальная группа по своей численности превосходит следующую, то есть ведущих традиционное хозяйство представителей малочисленных народов Севера. Более того, в местах недавних крупномасштабных сселений и переселений коренных жителей Севера в крупные поселки представители этой группы успешно и активно конкурируют с малочисленными народами Севера за рабочие места в сфере охоты, рыболовства (русские, якуты,

⁴¹ Gulevsky A.N., Simchenko Yu.B. Economy of Peoples of Russian North: History and Contemporaneity. Moscow, 1994, pp. 44, 58.

⁴² См., например, наблюдения в эвено-якутском селе - Кузнецов А.И., Миссонова Л.И. Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Батанайском районе Якутии // Исследования по прикладной и неолложной этнологии. Документ № 35. М.: Институт этнологии и антропологии, 1993, с. 19.

коми) и оленеводства (якуты, коми). Достаточно сказать, что преимущественно к старожильческому русскому населению принадлежат неаборигенные профессиональные охотники-промысловики, составлявшие в середине 1990-ых гг. в Хабаровском крае - большинство всех штатных охотников⁴³, в Эвенкии - практически половину, и, например, в преимущественно русско-старожильческом по составу населения Тунгусско-Чунском районе Эвенкии, где эвенки составляют 7% населения, только 4% штатных охотников являются эвенками⁴⁴. По данным социологического обследования малочисленных народов Севера в 1991 г., 66,5% из числа опрошенных считают, что их вытесняют из отраслей традиционного хозяйства⁴⁵.

Данная группа отличается тем, что условия ее жизни и работы, да и особенности веками складывавшейся культуры требуют сохраняющегося доступа к обширным и нетронутым сплошными рубками лесным территориям (от 10-15 до 25-30 тыс. га на одного охотника в Хабаровском крае). Традиционное охотничье-промысловое и оленеводческое хозяйство является фоновым типом землепользования на Севере, т.е. они используют практически всю территорию (около 90% - 99% по Хабаровскому краю). Естественно, промышленные лесоразработки практически везде нарушают интересы данной социальной группы.

Конфликт интересов лесной промышленности и традиционного хозяйства практически неизбежен. Ранее он решался властью местного руководства в пользу лесозаготовителей. Однако сейчас принципиально изменился социальный фон такого рода конфликтов интересов.

С. 298

С одной стороны, облегчает решение таких конфликтов то, что в 1990-ые гг. работники традиционного сектора практически полностью потеряли свои доходы - большинство госпромпровхозов и коопзверопромхозов, северных (олeneводческих) совхозов были планово-убыточными еще в советские времена, а в ходе рыночных реформ они оказались окончательно экономически несостоятельными. Именно старожильческое русское, якутское и другое неаборигенное население, прежде занятое в традиционном секторе экономики, в таких условиях может легче согласиться на переход на работу в лесное хозяйство (кстати, из этой группы населения происходит большинство лесников в отдаленных районах), лесную промыш-

⁴³ Полевые материалы автора [далее - ПМА], сведения О.Д. Закасовского, зав. Отделом национальной политики Администрации Хабаровского края, 1995 г.

⁴⁴ ПМА, сведения Л.А. Каплиной, ведущего специалиста Комитета по делам Севера и Арктики Администрации Красноярского края, 1995 г.

⁴⁵ Соколова З.П. Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. Отв. ред. Соколова З.П. М.: Институт этнологии и антропологии, 1994, с. 26; см. также: Клоков В.Ф., Корюхина А.В. Основные проблемы социально-демографического развития и занятости народов Севера // Этнографическое обозрение, 1994, №5, с. 69-70.

ленность или на переселение в более крупные поселки при гарантии трудоустройства там; ранее представители этой группы также участвовали в миграциях в города и промышленные поселки в поисках более благоустроенных условий жизни и работы. Переезд в города и поселки не означает для них переезда в действительно “иную” социо-культурную и этническую среду, ведь там русские или якуты тоже преобладают либо многочисленны.

С другой стороны, затрудняет решение конфликтов между лесозаготовителями и коренным населением, занятым в традиционном секторе, то, что для этих людей жизнь в тайге или тундре - не просто работа, но именно образ жизни и культурная традиция, переданная предками. Среди русских старожилов многие группы принадлежат к старообрядческим церквям (“староверы” разных толков), что привносит элемент идеологии и религии в желание жить замкнутыми общинами вдали от основной массы людей. К тому же в последние годы прежние охотничье-рыболовецкие угодья и олени пастбища были в значительной своей части переданы в пожизненное или долговременное пользование семейным хозяйствам или малым кооперативам русских либо “родовым общинам” якутов - в большинстве случаев это сопровождалось классификацией таких угодий как “территорий традиционного природопользования”. Следовательно, даже в условиях кризиса и убыточности традиционного хозяйства отказ от него тоже далеко не прост, ибо означает отказ от унаследованной культурной традиции и, часто, от вновь ставшей “своей” земли.

С точки зрения организованности и влияния эта группа вне пределов Якутии не может рассчитывать на успех в случае серьезной публичной конфронтации с лесозаготовителями - она относительно малочисленна в пределах любого сельского района или даже региона (ибо большинство старожилов работают в других

С. 299

отраслях экономики и имеют иные экономические интересы), практически не организована в единое целое, а потому не может влиять ни на местные органы власти, ни на общественное мнение в целом. С распадом бывших госпромхозов и т.п. исчезли и кадры администраторов, которые могли бы эффективно защищать интересы и права своих охотников и оленеводов.

9. Представители малочисленных народов Севера, ведущие традиционное хозяйство (оленьеводство, охота и собирательство, рыболовство).

Теперь среди ученых и политиков считается общепризнанным, что развитие традиционного оленеводческо-промыслового хозяйства служит главным гарантом сохранения уникальных этнических культур и образа жизни малочисленных народов Севера. Более того, дополнительную важность и актуальность проблеме сохранения традиционного хозяйства придает то, что очень многие из прекращающих заниматься охотничье-оленьеводческим хо-

зьяйством и оседающих в крупных поселках представителей аборигенных народов быстро ассимилируются русскими или якутами, занимая при этом маргинальные социально-экономические ниши и в наибольшей степени страдая от социально обусловленных болезней типа алкоголизма, туберкулеза и т.п. Некоторая информация о широком развитии физической метисации и культурно-языковой ассимиляции малочисленных народов Севера представлена в Приложении, причем происходит это в основном в больших полиэтничных поселках среди групп, отошедших от традиционного хозяйства.

Сказанное выше о том, что жизнь и работа в тайге или тундре для представителей коренных национальностей, занимающихся традиционным хозяйством, является не просто источником средств существования, но образом жизни и символом верности традициям и культуре предков, в еще большей степени применимо к данной группе. Собственно говоря, сам факт выделения “малочисленных народов Севера” в особую и пользующуюся определенными льготами с начала XIX в.⁴⁶ группу населения связан с тем, что по крайней мере их предки в начале нашего столетия полностью зависели от традиционного охотничье-рыболовецкого и/или оленеводческого хозяйства, чего, кстати, нельзя сказать о скотоводах (якуты, буряты) или крестьянах (русские, коми, карелы) - среди последних

С. 300

лишь некоторые группы из-за продвижения на Север были вынуждены частично либо полностью отказаться от исходного хозяйства и культуры. К тому же представители малочисленных народов Севера хорошо осознают, что отказ от традиционного хозяйства в связи с оседанием в крупных поселках чаще всего приводит их к культурно-языковой ассимиляции и нередко - к социальному неблагополучию.

Столь же справедлив по отношению к данной группе и приведенный выше вывод о фоновом характере традиционного землепользования, охватывающего практически всю территорию и требующего для себя неизменные или слабоизмененные лесные экосистемы. Но при подобном “фоновом” освоении территории в рамках традиционного хозяйства особую ценность для охотников и оленеводов представляют некоторые ключевые участки местности типа особо богатых пастбищ (используемых в самые сложные по условиям выпаса сезоны года) или маршрутов кочевков, либо урочища и акватории с наиболее высокой вероятностью добычи дичи и рыбы в соответствующие сезоны, а также “священные места”. Такие уголья и участки зачастую являются в полном смысле слова жизненно важными для ведущих

⁴⁶ Симченко Ю.Б., Соколова З.П. Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований // Демографические, экономические, социальные и культурные проблемы развития народов Дальнего Востока в условиях экономических реформ и демократических преобразований. Ред.: Соколова З.П., Симченко Ю.Б. М.: Институт этнологии и антропологии, 1994, с. 225.

традиционное хозяйство коренных жителей Севера, и без доступа к ним они теряют возможность использовать гораздо более обширные прилегающие территории⁴⁷.

Соответственно конфликт интересов между лесозаготовителями и данной группой населения практически неизбежен, причем в случае поражения последней она может просто исчезнуть в городах и поселках как отдельная этнокультурная группа или даже как народ, ведь некоторые народы насчитывают в своем составе всего несколько сотен человек и проживают ныне лишь в нескольких таежных поселках. К сожалению, примеры подобных социокультурных трагедий существуют - так, в Приморье из-за вырубки лесов в долине р. Имана (Большой Уссурки) группы иманских удэгейцев-охотников вынуждены были переселиться в близлежащие поселки и города, в результате чего они как отдельная группа с уникальной и древней культурой уже практически исчезли⁴⁸.

Правда, развитие многочисленных конфликтов между ведущими традиционное хозяйство малочисленными народами Севера и лесозаготовительными организациями сдерживается тем, что в подавляющем большинстве случаев эти группы используют экономически

С. 301

непригодные для лесоразработок лесные массивы - отдаленные либо вообще недоступные. К сожалению, в Енисейском районе Красноярского края и во многих приамурских районах Хабаровского края ситуация иная - здесь столкновение жизненно важных интересов данной группы населения и планов лесозаготовителей вполне возможно. Впрочем, в обоих регионах значительные площади угодий уже выделены в "территории традиционного природопользования" (см. Приложение) и по крайней мере формально зарезервированы для дальнейшего ведения традиционного хозяйства в первую очередь малочисленными народами Севера, но также и другими группами коренного населения.

Большой проблемой является оценка величины данной группы, ибо статистика таких сведений не дает. Существующие экспертные оценки доли и численности малочисленных народов Севера, занимающихся в настоящее время традиционным хозяйством, варьируют от примерно 14900 человек из 140699 человек сельского населения этих народов⁴⁹ до 30000 человек, или 55% от числа работающего сельского населения⁵⁰; в оленеводческих районах в оленеводстве занято "более четверти" трудоспособного населения⁵¹. В целом это довольно

⁴⁷ Арутюнов С.А. Малочисленные народы России: оптимизация межнациональных отношений // Этнополис (Этнополитический вестник России), 1992, № 1, с. 108-109.

⁴⁸ Шнирельман В.А. Бикинские удэгейцы ..., 1993, с. 16.

⁴⁹ Симченко Ю.Б., Соколова З.П. Народы Севера России ..., 1994, с. 221.

⁵⁰ Клоков В.Ф., Корюхина А.В. Труд и занятость народов российского Севера // Этнополис (Этнополитический вестник России), 1994, № 1, с. 171.

⁵¹ Gulevsky A.N., Simchenko Yu.B. Economy of Peoples of Russian North ..., 1994, p. 40.

большая величина, однако даже самая высокая из приведенных выше оценок показывает, с учетом того, что около 15% трудоспособных лиц не работают и работать из-за окончательной люмпенизации не желают⁵², что ныне в традиционном хозяйстве работает менее половины взрослого аборигенного населения.

Может показаться парадоксальным, но в целом эта группа неплохо организована и, как показывает практика, способна успешно отстаивать свои интересы в сфере землепользования. Например, удэгейцы Приморья в районах, граничащих с Хабаровским краем, сумели организовать мощное противодействие планам южнокорейских компаний начать сплошные рубки леса, и с помощью других групп местного населения, в частности уссурийских казаков, активистов экологических организаций и защитников прав аборигенных народов им удалось отстоять свои интересы⁵³. Здесь главным

С. 302

фактором служит то, что в годы Советской власти сложилась заметная прослойка аборигенной интеллигенции - учителей, администраторов, ученых и писателей, живущих как в районных центрах, так и в областных (краевых) центрах. В годы демократизации возникла "Ассоциация малочисленных народов Севера", ныне представленная в каждом регионе Севера и практически в каждом административном сельском районе проживания малочисленных народов. Таким образом, интересы этой группы представляет существующая уже с марта 1990 г.⁵⁴ и имеющая общероссийский охват опытная общественная организация, руководимая хорошо образованными и опытными людьми. Помимо Ассоциации с ее региональными и районными подразделениями (кстати, практически независимыми, но координирующими свои действия в масштабах всей страны), в 1990-ые гг. возникли и многие другие общественные организации этих народов, но все они бесспорно уступают Ассоциации по авторитету и влиятельности. В целом определенную поддержку этой группе населения традиционно оказывают академические ученые и ведущие правительственные учреждения в этой сфере - Государственный комитет по делам Севера и Министерство по делам национальностей и региональной политики⁵⁵.

⁵² Клоков В.Ф., Корюхина А.В. Основные проблемы ..., 1994, с. 68.

⁵³ Старцев А.Ф. К вопросу о закреплении этнической территории за аборигенами Бикина и функционировании совместного предприятия по заготовке и переработке леса в Приморском крае, созданного под руководством ТПО "Приморсклеспром" и южно-корейской фирмы "Хондей" // Демографические, экономические, социальные и культурные проблемы развития народов Дальнего Востока в условиях экономических реформ и демократических преобразований. Ред.: Соколова З.П., Симченко Ю.Б. М.: Институт этнологии и антропологии, 1994, с. 20; Шнирельман В.А. Бикинские удэгейцы ..., 1993.

⁵⁴ Соколова З.П. Народы Севера России ..., 1994, с. 17.

⁵⁵ По состоянию на лето 2000 г. обе указанные правительственные структуры вошли в состав Министерства по делам Федерации, национальной и миграционной политики.

10. *Политически активная “экологическая общественность”*, конечно, тоже представляет собой весьма специфическую, очень влиятельную и действующую практически в рамках всей страны группу, прямо заинтересованную в сохранности лесов и состоящую из различных общегосударственных и региональных организаций. По способности влиять на общественное мнение в стране и за рубежом она превосходит все остальные вышеназванные группы, хотя численность этих активистов невелика. Неправительственные организации, объединяющие экологов, хорошо известны и, кстати, столицы регионов Пилотного проекта относятся к центрам активной деятельности этих организаций. По крайней мере в соседнем с Хабаровским краем Приморье именно экологи сыграли решающую роль в поддержке выступлений удэгейцев и русских старожилов

С. 303

(уссурийских казаков) против планов южнокорейских фирм вырубить леса в бассейне р. Бикин⁵⁶.

Социо-культурные и профессиональные группы в составе коренного населения.

Все современное население, принадлежащее к коренным малочисленным народам и к другим коренным народам и этнокультурным группам Севера, в социальном плане разделяется на три основные части, существенно различающиеся по своим интересам и политическим возможностям и вызывающие совершенно разное отношение к себе со стороны органов государственной власти и местного населения, часто представленного преимущественно недавними переселенцами (кстати, последние обычно преобладают и в органах власти):

(а) ведущие традиционное хозяйство, которые в свою очередь подразделяются на:

1. кочующих или постоянно проживающих полными семьями на используемых ими угодьях вне поселков;
2. живущих в малых и отдаленных “национальных” поселках, где коренные народы и этнокультурные группы составляют большинство населения;
3. имеющих дома и семьи в больших полиэтничных поселках, где сами они проводят только часть года;

(б) занятые в нетрадиционных отраслях хозяйства и проживающие чаще всего в крупных и полиэтничных по составу населения поселках, включающие в себя:

4. сельскую интеллигенцию и служащих со средним или средним специальным образованием;
5. работников подсобного сельского, жилищно-коммунального хозяйства, промышленных и других предприятий, занятых неквалифицированным физическим трудом;

(в) *неработающие*, люмпенизированные и социально деградировавшие жители больших поселков, как правило, страдающие от алкоголизма.

Относительные пропорции указанных социально-профессиональных групп и подгрупп, одновременно отражающих принципиально важные современные социо-культурные различия между входящими в них представителями даже одного аборигенного народа, варьируют в весьма широких пределах и определяются скорее общей экономической конъюнктурой в данной местности, чем иными факторами.

С. 304

Очевидно, что в социально-экономическом плане подгруппа “Б-4” является вполне благополучной и в значительной своей части сама представляет собой местную власть. В современных условиях часть подгруппы “Б-5” тоже считается относительно благополучной, если только этим людям не угрожает закрытие их рабочих мест и безработица и если они относительно регулярно получают пусть и крайне низкую зарплату; по крайней мере, представители группы “А” теперь оказались в экономически гораздо более худшем абсолютном и относительном положении в сравнении даже с этой группой.

Однако очень тревожным моментом является то, что у большинства коренных малочисленных народов Севера преобладает доля принадлежащих к подгруппе “Б-5” - ведь именно в нее вливаются уходящие из традиционного хозяйства аборигены, причем зачастую это является лишь недолгим переходным этапом к попаданию в группу “В”.

К сожалению, прослеживается явная тенденция к тому, что такой социально-профессиональный переход у многих представителей коренных малочисленных народов Севера развивается по уже устоявшейся и постоянно повторяющейся схеме:

1. “традиционное хозяйство”
2. “неквалифицированный физический труд в поселке”
3. “безработица”
4. “социальная деградация и алкоголизм”.

Подобная тенденция давно уже отмечена в научной литературе и получила название “люмпенизации малочисленных народов Севера”⁵⁷. Важно отметить, что очень часто ее начальный этап - отход от традиционного хозяйства и оседание в поселке в качестве низкооплачиваемых неквалифицированных рабочих и служащих; в период с 1959 г. по 1979 г. доля последней социально-профессиональной группы среди малочисленных народов Севера, про-

⁵⁶ Шнирельман В.А. Бикинские удэгейцы ..., 1993, с. 18-19.

⁵⁷ Богоявленский Д.Д. Демографические проблемы малочисленных народов Севера // Население России. Второй ежегодный демографический доклад. Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: изд. Евразия, 1994, с. 157.

живающих в автономных округах, возросла с 12% до 30%⁵⁸ и, согласно ряду оценок, именно эта социально-профессиональная группа стала теперь наиболее широко представленной у малочисленных народов Севера. К сожалению, эта группа не имеет ни социального престижа, ни возможности влиять на местные органы власти - даже представители аборигенных народов в составе местных элит относятся к ним без особого уважения и участия как к людям, отошедшим

С. 305

от культуры и образа жизни предков, но при этом не сумевшим добиться высокого, обеспеченного и уважаемого в местном обществе социального положения.

На таком фоне понятно, что только в группе “А”, и особенно в подгруппах “А-1” и “А-2” у коренных малочисленных народов Севера сохраняются как традиционное землепользование и прямая зависимость от ресурсов лесных и тундровых экосистем, так и элементы традиционной общинной организации хозяйства и землепользования. Кстати, советская колхозно-совхозная система в тех случаях, когда она не привела к сселениям и перемешиванию населения в крупных поселках и к перераспределению угодий, во многом способствовала сохранению традиционного общинного землепользования с его отработанными механизмами перехода права пользования угодьями от родителей к детям. Бригады и звенья выступали в качестве формы подобной квази-”общинной” организации производства. Впрочем, в большинстве случаев такая преемственность все же была разрушена из-за ротации угодий между бригадами и смены самих работников в бригадах и звеньях в соответствии с представлениями руководства об экономической целесообразности, а не согласно устоявшимся обычно-правовым нормам землепользования этих народов.

Ныне, в условиях распада былой советской системы организации традиционного хозяйства, идет быстрый процесс восстановления традиционных или близких к традиционным форм организации землепользования и хозяйства, будь то в рамках самоорганизующихся и занимающих угодья своих непосредственных предков “бригад” или “звеньев” в сохранившихся государственных предприятиях традиционного сектора, или же в виде организации “родовых общин” и закрепления за ними “родовых земель” в рамках территорий традиционного природопользования там, где крупные государственные или формально акционированные предприятия полностью исчезли.

Говоря о взаимоотношениях различных социально-профессиональных групп аборигенного населения Севера с органами власти, необходимо отметить в первую очередь то, что люди, ведущие традиционное хозяйство, ныне оказались фактически предоставленными сами

⁵⁸ Неотрадиционализм на российском Севере ..., 1994, с. 155-156.

себе и лишенными какой-либо поддержки. С одной стороны, прекратилось административное вмешательство в землепользование и хозяйство таких групп на закрепленных за ними тем или иным образом землях, что нельзя не оценить положительно. Но с другой стороны, полностью разрушена система скупки продукции

С. 306

традиционного хозяйства, и оленеводы и охотники остались практически без зарплат либо с чисто символическими и крайне нерегулярными денежными доходами. Фактически это тоже разрушает традиционное хозяйство и провоцирует переселение в крупные поселки, попадание в число безработных и последующую неизбежную люмпенизацию.

Необходимо признать, что отчасти все же сохраняется былое патерналистское отношение органов власти к аборигенам, живущим и работающим в тайге и тундре, что является ярким контрастом в сравнении с полным пренебрежением к судьбе опустившихся людей из группы "В". Так, по официальным данным считается, что в "национальных поселках" Хабаровского края безработица среди коренных малочисленных народов Севера составляла порядка 11% в конце 1994 г., и в существенной своей части это были уже люмпенизированные группы. Однако реально без работы (точнее - без регулярных и сколько-нибудь приемлемых доходов) остались примерно 80% этой части населения. Фактически люди живут за счет натурального традиционного хозяйства, огородничества и денежных доходов родственников, работающих в бюджетных организациях либо получающих пенсии, детские пособия и т.п. Так, оленеводы (эвены и эвенки) северных Охотского и Аяно-Майского районов из-за прекращения закупок и вывоза продукции оленеводства и охоты остались практически без заработной платы, и на протяжении большей части 1994 года Отдел национальной политики Администрации Хабаровского края был вынужден распределять среди них муку и ряд других основных продуктов питания бесплатно, внося имена получивших помощь в списки должников. Однако эти работники оленеводческих совхозов или те, кто вышел из совхозов и организовал "родовые общины", безработными вовсе не считались и прав на пособия по безработице не имели⁵⁹.

Вероятно, с точки зрения защиты прав и интересов коренных малочисленных народов Севера, главными задачами сегодняшнего дня являются:

1. для ведущих традиционное хозяйство и прямо зависящих от ресурсов фауны и флоры лесных и тундровых экосистем:

⁵⁹ ПМА, 1995 г., сведения О.Д. Закасовского, заведующего указанным отделом и организатора этой продовольственной помощи.

а.) окончательное правовое закрепление статуса территорий традиционного природопользования и признание права ведущих традиционное хозяйство групп коренного населения бессрочно и безвозмездно пользоваться этими территориями;

С. 307

б.) восстановление системы скупки продукции традиционного сектора экономики, что возможно только за счет значительного субсидирования такого рода деятельности.

2. для трудоустроенных жителей крупных поселков, занятых вне традиционного сектора - экономическое развитие, гарантирующее сохранение либо открытие новых рабочих мест и соответствующее профессиональное обучение или переподготовку;

3. для люмпенизированной части жителей поселков - обеспечение социальных программ реабилитации и профессиональной подготовки с трудоустройством.

Развитие лесной и деревообрабатывающей промышленности может в ряде случаев отвечать интересам двух последних социальных групп малочисленных народов Севера.

Землепользование и лесопользование коренного населения Севера

Анализ истории землепользования в рамках традиционного хозяйства прежде всего высвечивает следующий парадокс. В официальный лексикон политиков и в тексты законодательных актов в 1990-ые гг. прочно вошел термин “родовые общины” и производный от него - “родовые земли”, что создает неверное предположение о якобы сохраняющихся у малочисленных народов Севера устойчивой и древней родовой социальной организации и территориальной привязанности этих родовых группировок к конкретным угодьям в течение как минимум нескольких последних столетий.

Неправомерность данного вывода многократно подтверждалась учеными. Действительно родовой организации, регламентировавшей землепользование, у большинства этих народов не было. Даже у народов Приамурья, у которых родовая структура была, она определяла брачные отношения, но не предполагала какой-либо монополии родов на определенные территории, и потому в большинстве случаев земли осваивались совместно проживавшими и хозяйствовавшими общинами в составе семей из разных экзогамных родов. Часты были и случаи перехода семей из одной общины в другую, то есть смены освоенных территорий. Однако у малочисленных народов Севера была и частью осталась территориально-общинная организация⁶⁰. Во многом поэтому ныне в “родовых общинах” малочисленных народов Хабаровского края зачастую состоит больше русских семей,

С. 308

⁶⁰ Неотрадиционализм на российском Севере ..., 1994, с. 71-75; Симченко Ю.Б., Соколова З.П. Народы Севера России ..., 1994, с. 227.

чем семей этих малочисленных народов; есть и этнически смешанные общины типа “эвенкийско-негидальской”, а у народов Приамурья встречаются “родовые общины” из представителей разных родов, но это не вызывает конфликтов в сфере землепользования⁶¹.

Дело, однако, не в терминах, и потому не возникает особых практических проблем от того, что соседские общины называются “родовыми” в качестве дань романтическим традициям архаизации и “экзотизации” культуры этих народов. Главное в том, что эти общины или по крайней мере традиции общинного землепользования сохранились у части представителей малочисленных народов Севера. Не должно смущать и то, что многие современные этнотерриториальные группы этих народов сложились во многом благодаря дальним миграциям последнего столетия, а некоторые выделяемые ныне и действительно имеющие собственное этническое самосознание народы возникли лишь в XIX веке в результате смешения самых различных аборигенных этнических компонентов и при участии якутского и русско-старожильческого (долганы, негидальцы, с 1990-ых гг. - камчадалы). Гораздо важнее то, что уже как минимум около столетия представители малочисленных народов Севера живут в местах своего современного расселения, считают себя и воспринимаются окружающими группами местного населения как действительно коренные жители этих мест, и они сохранили точные представления о традиционной принадлежности окрестных угодий конкретным предкам ныне живущих людей (от чего и родилось представление о “родовых землях”). Другие коренные группы населения (русские старожилы) также проживают на землях, уже столетиями осваивавшихся их предками с тем же самым четко определенным разделением казенных земель между семейно-родственными или соседскими группами. В районах исторического проживания старожильческих русских групп или якутов их земельные споры и конфликты с малочисленными народами Севера чаще всего были окончательно решены (как правило, в пользу русских или якутов) еще в прошлом веке и потому ныне этот раздел охотничье-промысловых угодий воспринимается обеими сторонами как традиционный и вполне естественный.

Если до революции и коллективизации оленьи пастбища и охотничье-рыболовецкие угодья, будучи казенными землями, фактически были на постоянной основе и с определением точных границ

С. 309

⁶¹ ПМА, сведения П.Б. Суляндзиги, и.о. Председателя Хабаровской краевой Ассоциации малочисленных народов Севера, 1995 г.

землепользования разделены между территориальными или семейно-родственными общинами, что признавалось и поддерживалось властями Империи и Союза, то в ходе коллективизации 1930-ых - 1950-ых гг. первоначально на базе этих же общин возникли отдельные колхозные бригады, звенья и т.п., продолжавшие жить и работать на тех же самых землях. В обоих случаях имело место гарантированное право пользования конкретными и перешедшими от непосредственных предков угодьями именно в рамках традиционного хозяйства. Этот период доколхозного и раннего колхозного землепользования как раз и воспринимается ныне как традиционное разделение земель между “родами”-общинами и как основа для современных представлений о том, чьи именно потомки имеют “историческое /традиционное/ право” использовать те или иные угодья. Из-за малого временного интервала эти представления отличаются определенностью.

Только начиная с 1960-ых гг. в систему расселения и землепользования ведущих традиционное хозяйство народов Севера были внесены принципиальные и очень серьезные изменения в ходе укрупнения колхозов и их реорганизации в совхозы, сопровождавшегося сселением жителей из кочевий или малых таежных поселков на центральные усадьбы хозяйств. Тогда же началась практика перераспределения пастбищных и охотничьих угодий между всеми работниками этих крупных хозяйств и перегруппировки бригад и звеньев, что прямо противоречило указанным “традиционным” представлениям о “принадлежности” конкретных угодий отдельным семейно-родственным или соседским группам аборигенов и других коренных жителей. В целом последний советский этап кардинальных изменений в расселении и землепользовании был воспринят большинством ведущих традиционное хозяйство северян негативно - как разрушающий традиции и, в частности, разрывающий духовные связи людей с угодьями, где выросли и жили их родители и прямые предки.

Поэтому в процессе распада совхозов, госпромхозов и других государственных и коллективных хозяйств в 1990-ые гг. те представители коренного населения, которые продолжают заниматься традиционным хозяйством, часто переходят к сохранившимся в памяти стариков “традиционным” правилам землепользования, возвращаясь на угодья своих прямых предков. Иногда это делается в рамках перераспределения угодий между звеньями или бригадами уцелевших крупных организаций, ставших наследниками совхозов. Но чаще это оформляется представителями малочисленных народов

С. 310

Севера как получение “родовых земель” для своих семей или “родовых общин” (групп семей) в рамках территорий традиционного природопользования. Русские старожилы оформляют

долговременную аренду угодий для своих “крестьянских (фермерских) хозяйств” или малых самостоятельно создаваемых кооперативов.

Впрочем, от очень недавнего прошлого остались не только воспоминания, но и некоторые вполне действующие формы традиционного землепользования. Как исключение, в ряде мест сохранились кочевые семьи или группы семей, в качестве совхозных оленеводческих бригад продолжавшие осваивать унаследованные от родителей угодья, или дисперсное расселение семьями либо малыми группами семей у таежных охотников-промысловиков, также выступавших в качестве промысловых бригад госпромхозов и оставшихся на угодьях своих непосредственных предков. Такие единичные случаи отмечены, например, среди хантов Западной Сибири, где под Сургутом остались малые таежные поселения с численностью жителей в среднем около 15 человек (т.е. по 3 - 4 семьи) или даже семьи, вообще не имеющие постоянных домов в селениях и живущие непосредственно на территории своих охотничьих угодий в передвижных и временных (сезонных) жилищах⁶². Вообще же преимущественно среди оленеводов в 1992 г. насчитывалось всего 16426 кочующих человек, и их число в указанном году возросло на 4%, или на 586 человек; рост численности кочевого населения продолжался и в 1993 г.⁶³. В Красноярском крае вместе с Эвенкией и Таймыром, в основном за счет оленеводов последнего, в 1991 г. было 450 кочевых семейных хозяйств, в том числе 20 из них не относились к малочисленным народам Севера, а были представлены другими коренными группами населения⁶⁴.

Современное землепользование и лесопользование малочисленных народов Севера на федеральном уровне определяется Земельным и Лесным кодексами, гарантирующими им права на (а) сохранение традиционной культуры и хозяйства, а значит и гарантированного доступа к используемым угодьям и (б) бесплатное и долгосрочное пользование землями Лесного фонда. В ряде регионов

С. 311

законодательно оформлены “территории традиционного природопользования” этих народов и их права на беспрепятственное пользование лесными землями определены более полно и четко. Однако вопрос об этих территориях и об использовании лесов на территориях традиционного природопользования целесообразнее рассмотреть специально и более подробно - см. нижеследующий раздел.

⁶² Соколова З.П. Актуальные вопросы современного развития экономики и культуры хантов” // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ №4. М.: Институт этнологии и антропологии, 1990, с. 15-16.

⁶³ Клоков В.Ф., Корюхина А.В. Основные проблемы социально-демографического развития и занятости народов Севера” // Этнографическое обозрение, 1994, №5, с. 70.

Использование ресурсов животного мира и недревесной растительности коренными малочисленными народами Севера на землях лесного фонда в рамках традиционной охоты, рыболовства, собирательства, оленеводства регламентируется соответствующими правилами и законами о рыболовстве, охоте, охране животного и растительного мира, использовании лесов и т.п.; в отношении лесных ресурсов эти группы населения имеют, в частности, право бесплатно использовать древесину для удовлетворения всех своих потребностей в строительных материалах и в топливе (дровах). Как продолжение советской политики, малочисленные народы Севера имеют льготы в получении лицензий на охоту, лов рыбы и собирательство - им первым и в относительно большем объеме выделяются соответствующие квоты и больше лицензий передается бесплатно (хотя лицензии на добычу ценных пушных зверей или вылов лосося сверх определенной нормы они тоже должны оплачивать по общим для всех граждан расценкам). В полной мере эти положения распространяются и на территории традиционного природопользования⁶⁵.

Источником дохода от пользования территориями лесного фонда является продажа продукции традиционного сектора, что в советский период было организовано государством и им же субсидировалось. Впрочем, тогда часть наиболее ценной продукции (икра, шкурки пушных зверей) часто продавалась нелегально, хотя и в ограниченных масштабах из-за отдаленности мест промысла от районов концентрации населения. Теперь, когда деление продукции на легальную и нелегальную исчезло и практически исчезла массовая скупка этой продукции, будь то государственными либо частными предприятиями, фактически единственным каналом сбыта осталась продажа случайным людям, в результате чего цены на эти продукты снизились очень сильно. Достаточно сказать, что зимой 1994 - 1995 гг. средняя стоимость шкурки соболя в районах промысловой охоты в Хабаровском крае составляла порядка 30 долларов

С. 312

США, то есть опустилась до цены 4-5 килограммов хорошей колбасы в магазинах г. Хабаровска⁶⁶.

Самостоятельная продажа продукции традиционного сектора на рынках малочисленными народами Севера практически не практикуется из-за отсутствия такого опыта и из-за огромных транспортных расходов, но исключением из этого правила являются рыбацкие се-

⁶⁴ ПМА, сведения Л.А. Каплиной, ведущего специалиста Комитета по делам Севера и Арктики Администрации Красноярского края, 1995 г.

⁶⁵ См. также: Yanskov A. Applied Ethnology and Ethnoecology in Combining Aboriginal Land Rights with the Preservation of Biodiversity in Russia // Practicing Anthropology, 1999, vol. 20, №2 (Spring), pp. 48-52.

⁶⁶ ПМА, сведения Н.М. Балаганского, начальника Управления охотничьего хозяйства Хабаровского края, 1995 г.

ления, в частности, на Амуре. Здесь, в связи с низкими транспортными расходами, часть представителей малочисленных народов Севера регулярно сбывает через рынки рыбу, орехи и ягоды, пушнину (чаще продавая эту продукцию перекупщикам в собственных селах).

В таких условиях товарность традиционного сектора снизилась очень сильно и фактически он превратился в основу близкого к натуральному самообеспечивающего хозяйственного уклада части современных коренных жителей Севера. Считается, что таким образом, то есть практически натуральным традиционным хозяйством, обеспечивают себя средствами существования примерно 25% - 30% трудоспособных представителей малочисленных народов Севера. Считать их работниками традиционного сектора, как это было в советский период, не вполне оправданно, поскольку ныне они от традиционного хозяйства регулярных денежных доходов практически не получают⁶⁷. К сожалению, все это подталкивает людей к браконьерской деятельности и подрывает меры по охране животного и растительного мира, поскольку если вдруг появляется надежда что-то из продукции охоты, рыболовства и собирательства продать случайно оказавшимся в тайге приезжим людям, многие северяне легко идут на нарушение правил и законов охоты, рыболовства и собирательства, а равно и традиционных экологически обоснованных норм природопользования, с тем чтобы не упустить возможности случайного приработка.

Традиционные представления о духовной связи народов Севера с освоенными ими территориями существуют у них и до наших дней, особенно в форме как достаточно абстрактных философско-религиозных представлений о единстве человека и окружающей Природы, о гармонии в природе, так и о взаимосвязанности и взаимозависимости духов, людей, животных, растений и объектов неживой природы (скал, рек и т.п.) на конкретных территориях - “священных землях”.

С. 313

Правда, не стоит переоценивать реальную степень сохранности памяти о священных и иных местах, связанных с потусторонним миром или с деяниями мифических прародителей и, что главное, практики посещения священных урочищ. Очень многое в этой области было безвозвратно утеряно, в чем сыграли свою роль годы советской политики борьбы с “религиозными предрассудками и суевериями”, преимущественное воспитание детей в школах-интернатах в отрыве от родителей (благодаря чему последние поколения выросли, фактически ни разу не побывав в районе зимних угодий их предков и почти не зная языка своих родителей), масштабные сселения и переселения семей в центральные поселки. Тем не менее в современных региональных законодательствах о территориях традиционного природопользо-

вания обычно специально отмечается необходимость включения в эти территории подобных мест. Но для сохраняющих культурное наследие предков представителей малочисленных народов Севера территория с ее возобновимыми природными ресурсами по-прежнему является не просто материальной основой производства средств существования, но имеет и огромное значение в их духовной культуре, религиозных представлениях и обычаях - именно к конкретным урочищам привязаны многие легендарные (связывающиеся с реальной жизнью реальных предков) и мифологические (относящиеся к сфере деятельности духов или божеств) события истории конкретных этнотерриториальных групп, что делает эти урочища священными для таких групп местами, используемыми в религиозных обрядах либо просто высоко ценимыми как свидетельства важнейших событий в истории этих групп.

Однако для каждого народа и его этнотерриториальной группы критерии выделения и смысловая нагрузка подобных, условно говоря, “священных урочищ” являются уникальными. Поэтому дать реальное описание современной практики определения и использования в религиозных целях таких участков лесов фактически невозможно как из-за традиционной разнородности подходов к этому у различных групп малочисленных народов Севера, так и вследствие очень больших различий в степени сохранности в их среде указанных подходов к определению священных урочищ.

Межгрупповые взаимоотношения по поводу лесопользования.

Частично сведения об основных типах конфликтов в процессе лесопользования и о степени конфликтности интересов основных групп лесопользователей с лесозаготовителями и с органами лесного хозяйства были кратко представлены в предыдущих разделах.

С. 314

Рассмотрим эту тему подробнее на примере проблем, возникающих с участием малочисленных народов Севера в Хабаровском крае⁶⁸.

Собственно о “территориях традиционного природопользования” (далее - ТПП) и о правах и обязанностях использующих их лиц и групп (“родовых общин” и т.д.) на примере Хабаровского края сказано ниже. Но в связи с появлением самой концепции ТПП как формы реализации приоритетных прав малочисленных народов Севера на земли Лесного фонда, используемые ими для ведения традиционного хозяйства, и вследствие выхода ряда региональных законов и временных положений о статусе ТПП, в обществе в целом и в местах прожи-

⁶⁷ Клюков В.Ф., Корюкина А.В. Основные проблемы ..., 1994, с. 68.

⁶⁸ См. также: Yamskov A. Conflicts over Defining and Allocating “Territories for the Traditional Use of Natural Resources by Aboriginal Peoples” in Russia // Livelihoods from Resource Flows. Awareness and Contextual Analysis of Environmental Conflict, Joint IUAES & IGU Inter-Congress. Linkoping (Sweden), August 19-22, 1996. Linkoping: EPOS, 1996, p. 48.

вания коренных малочисленных народов Севера в частности проявилась целая серия конфликтов интересов. Именно на их формах и причинах мы остановимся.

1. Конфликты между группами населения и органами власти по поводу определения субъектов, имеющих право использования ТПП, как это ни удивительно, на местах оказались малочисленными и не очень острыми. Хотя согласно Временному положению Хабаровского края⁶⁹, ТПП выделяются только малочисленным народам Севера, эта открывшая привилегия данной группе не вызвала особых протестов - население действительно разделяет представления о том, что аборигенные группы, ведущие традиционное хозяйство, должны иметь больше прав на земли, необходимые им для этого и освоенные их предками многие столетия назад. К тому же реально большая часть ТПП в крае, хотя и не на столь льготных условиях, перешла в пользование неаборигенного населения.

Тем не менее, на фоне практического отсутствия протестов против предоставления малочисленным народам Севера льгот и привилегий в сфере землепользования, Администрация края попала в ситуацию довольно острого конфликта с одной из групп местного русского населения - уссурийскими казаками, потребовавшими официально признать их “аборигенным /коренным/ населением” и предоставить, как и представителям малочисленных народов Севера, льготы на вылов рыбы и охоту (больше лицензий, в первую очередь бесплатных). Конфликт привел к неоднократным жалобам и требованиям со стороны этой довольно хорошо организованной группы, и даже к акциям публичного протеста в ряде казачьих станиц.

С. 315

При этом казаки вовсе не являлись профессиональными охотниками и рыбаками, а работали в сельском хозяйстве или в других отраслях экономики.

Администрация края заняла совершенно верную позицию, разрешив лицам всех национальностей использовать ТПП для ведения традиционного хозяйства, но только после реализации такого права всеми желающими представителями коренных малочисленных народов Севера и на менее льготных условиях. Вероятно, только такой путь способен предотвратить многие другие социальные конфликты между различными группами местного населения и властями за право считаться “аборигенным народом” - для тех, кто не ведет традиционное хозяйство, льгот и привилегий в сфере землепользования быть не должно, а аборигенные группы имеют лишь право первого выбора угодий и некоторые льготы по налогообложению землепользования.

⁶⁹ Ямсков А.Н. Территории традиционного землепользования ..., 1996, с. 24 -26.

Однако в среде ученых и политиков острые споры о том, какие этнокультурные группы и на каком основании могут пользоваться льготами при ведении традиционного хозяйства, отнюдь не утихают.

2. *Конфликты между группами населения и индивидами по поводу определения объема прав пользователей /владельцев/ ТПП* вообще пока не наблюдались, и хотя во Временном положении написано о “вечном владении”, попыток “владельцев” ТПП осуществить это свое декларированное право путем, например, продажи или сдачи в аренду части ТПП отмечено не было. Вероятно, сказывается традиционное представление всех групп местного населения о том, что таежные и тундровые угодья могут и должны передаваться только в бессрочное наследуемое пользование при условии их реального использования, но не во владение, и что все, кто ведет традиционное хозяйство, должны иметь возможность получить для этого требуемые им территории - возможность полного и бессрочного отчуждения ТПП частными лицами либо группами без их использования в традиционном хозяйстве общественным мнением не признается.

Правда, в среде ученых и политиков споры о реальном объеме прав представителей малочисленных народов на земли ТПП также не утихают, и в них представлен весь возможный спектр мнений - от неограниченного права собственности на землю со всеми ее ресурсами до жестко контролируемой государством возможности льготной краткосрочной аренды⁷⁰.

С. 316

Однако уже обозначились конфликты получивших ТПП общин и семей из числа малочисленных народов Севера с государственными органами охраны и мониторинга природных биологических ресурсов из-за попыток нарушения правил охоты и рыболовства на ставших “своими” землях. Впрочем, эти конфликты немногочисленны и не перерастают в особую тенденцию отрицания права государства контролировать использование фауны и флоры в пределах ТПП. Напротив, получившие в свое пользование ТПП общины малочисленных народов Севера, особенно оказавшиеся вблизи дорог и других транспортных путей, чаще стараются привлечь на свои территории егерей как гарантов защиты от браконьерства случайных приезжих - например, ряд общин через соответствующие районные Ассоциации мало-

⁷⁰ Подробнее эти сюжеты рассмотрены в публикациях автора - см.: Ямсков А.Н. Права малочисленных народов российского Севера на территории традиционного природопользования: владение или пользование? // Обычное право и правовой плюрализм. (Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму, август 1997 г., Москва). Ред.: Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М.: Институт этнологии и антропологии, 1999, с.119-126; его же - The Rights of Small-Numbered Peoples of the Russian North in the Territories of Traditional Nature Use: Ownership or Use? // Papers of the 11th International Congress “Folk Law and Legal Pluralism in Transforming Societies”. Compiled by: K. von Benda-Beckmann, H. Finkler. Ottawa, 1999, pp.211-221.

численных народов Севера разрешил прокладку новой дороги Комсомольск - Ванино по отведенным им ТПП только при условии, что на этой дороге будут устроены новые кордоны егерей. Когда три кордона были организованы, егери - два русских и якут - получили право использования ТПП на равных с членами этих общин основаниях.

Гораздо более опасная для перспектив сохранения традиционного хозяйства и носителей охотничье-рыболовецких культур тенденция - попытки организовать сплошные коммерческие рубки леса на ТПП в сиюминутных интересах их пользователей из числа малочисленных народов Севера - пока тоже не приобрела черты конфликта, поскольку власти и органы лесного хозяйства не реагируют на такие случаи (подробнее см. ниже). Но в будущем, если все же власти вернуться к букве и духу закона о ТПП и постараются обеспечить сохранение природно-ресурсного потенциала этих территорий в интересах развития традиционного хозяйства будущих поколений малочисленных народов Севера, подобные ситуации чреваты острыми конфликтами между отдельными общинами и прежде всего органами лесного хозяйства.

3. Конфликты по поводу (пере)распределения ТПП между пользователями, ведущими традиционное хозяйство, также пока практически не проявились. Вероятно, сказалось то, что среди претендентов преобладали либо представители коренных малочисленных

С. 317

народов в местах их традиционного проживания, либо русские старожилы в районах, где коренного аборигенного населения давно уже нет, ибо еще их предки были вытеснены из соответствующих угодий, освоенных старожилами в прошлые столетия. К тому же находящийся в полном экономическом упадке традиционный сектор привлекает немногих людей, и ТПП берут в пользование по многим причинам, но явно не в надежде заработать или обеспечить себе высокий уровень жизни.

Однако если значительная часть населения таежной зоны, пусть и вынужденно, вернется к традиционному образу жизни и хозяйству и если продолжится рост численности этой части населения, то появление межличностных и межгрупповых конфликтов такого рода в будущем вполне вероятно.

Следовательно, требуется заранее на уровне законодательства прописать пути разрешения всех возможных спорных вопросов, и в первую очередь прав и обязанностей членов общин и других объединений пользователей ТПП в случаях, когда их количество превысит емкость угодий или когда, наоборот, из-за малочисленности пользователей значительные части ТПП окажется неиспользуемыми.

4. *Конфликты между (возможными) пользователями ТПП и субъектами, не имеющими прав на ТПП, по поводу классификации определенных территорий как ТПП.* Классический пример такого рода публичного конфликта, вылившегося в острую конфронтацию (с митингами и пикетами, и даже угрозами вооруженных акций) удэгейцев-охотников и поддерживавших их групп местного населения и активистов с местными же властями, защищавшими интересы иностранной лесозаготовительной компании, имел место в начале 1990-ых гг. в Приморье и хорошо описан⁷¹. В тот раз удэгейцам удалось добиться от властей определения практически всей оспаривавшейся ими территории кедровой тайги в бассейне Бикина как ТПП и тем самым исключить эти леса из расчетной лесосырьевой базы. Такого рода конфликты возможны и впредь, хотя по мере завершения размежевания земель на ТПП и на открьтые для лесозаготовок и разработок минерального сырья земли обычных охотничьих угодий их предпосылки исчезнут.

Однако вполне можно предположить трансформацию конфликтов этого рода в споры о конкретном прохождении границ ТПП или о сумме необходимой компенсации за официально разрешенное и согласованное с соответствующими пользователями ТПП

С. 318

использование части ТПП для целей, не связанных с развитием традиционного хозяйства.

Законодательное регулирование прав различных групп местного населения на земли и биоресурсы Лесного фонда

Ниже рассматривается ситуация в Хабаровском крае, который отличается тем, что региональное законодательство о территориях традиционного природопользования⁷² было одним из первых в России и потому накоплен уникальный позитивный и негативный опыт реализации этого законодательства. Сведения, легшие в основу нижеследующего раздела, были собраны в ходе работы миссии экспертов Всемирного Банка под руководством Хорста Вагнера в январе-феврале 1995 г.⁷³.

Законодательство о территориях традиционного природопользования и его адресаты.

Современный глубочайший кризис традиционного сектора экономики может быть преодолен только в случае (вос)создания масштабной системы льгот и субсидий для ведуще-

⁷¹ Старцев А.Ф. К вопросу о закреплении этнической территории..., 1994; Шнирельман В.А. Бикинские удэгейцы ..., 1993.

⁷² См. публикацию текста регионального закона: Ямсков А.Н. Территории традиционного землепользования ..., 1996, с. 23 - 26.

⁷³ См. ПМА, 1995 г. Основу использованной ниже информации, если это не оговаривается отдельно, предоставили: О.Д. Закасовский, зав. Отделом национальной политики Администрации Хабаровского края; Н.М. Балаганский, начальник Управления охотничьего хозяйства Хабаровского края; П.Б. Суляндзига, временно исполняющий обязанности Председателя Хабаровской краевой и Председатель Хабаровской городской Ассоциации малочисленных народов Севера.

го оленеводческо-промысловое хозяйство населения на транспортное обслуживание, снабжение и скупку производимой им продукции. Пока, однако, традиционное хозяйство продолжает выполнять жизненно важную роль основного источника средств существования для достаточно значительного числа представителей малочисленных народов Севера, хотя и обрекая их при этом на совершенно нищенское существование. Поскольку даже восстановление недавнего уровня жизни занятых в этом секторе экономики требует больших и, главное, постоянных затрат, а нынешнее бедственное положение оленеводов и охотников является постоянным укором местным властям, то среди последних все большую популярность приобретают надежды вывести группы ведущего традиционное хозяйство населения и районы их проживания из кризиса путем развития там любых потенциально рентабельных проектов экономического развития территорий - будь то добыча полезных ископаемых, лесоразработки или, напротив, охотничий или этнографический туризм. Главным

С. 319

становится поиск любых возможностей дать людям работу и заработок, а также получить надежный местный источник финансовых отчислений на социальные нужды.

В подобных условиях резервирование обширных земель в качестве "территорий традиционного природопользования" остается последней возможностью сохранить природно-ресурсную базу традиционного сектора экономики и связанных с ним групп населения, а следовательно и их культуру и образ жизни.

Концепция "территорий традиционного природопользования" во Временном положении Хабаровского края. Родившаяся в письме писателей - представителей коренных малочисленных народов Севера в ЦК КПСС в 1988 г. и впервые вошедшая в государственные документы в апрельском 1992 г. Указе Президента РФ "О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера"⁷⁴, концепция "территории традиционного природопользования" (далее - ТПИ) получила дальнейшее развитие в региональных законодательствах и в разработках проектов Федеральных законов о статусе, правах и традиционном хозяйстве коренных малочисленных народов Севера⁷⁵. Рассмотрим первоначально только дефиниции ТПИ и трактовку (либо факты игнорирования) связанных с этой концепцией других важнейших понятий из области традиционного жизнеобеспечения народов Севера.

⁷⁴ Соколова З.П., Новикова Н.И., Ссорин-Чайков Н.В. Этнографы пишут закон ..., 1995, с. 77.

⁷⁵ См., например, справочные издания: Статус малочисленных народов России. Правовые акты. Составитель: В.А. Кряжков. М.: изд. Тихомирова, 1999, 397 с.; Комментарий к Федеральному закону о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации. Ред.: Крылов Б.С. М.: изд. Тихомирова, 1999, 153 с.

Для более адекватного понимания ситуации в Хабаровском крае имеет смысл на примере местного закона рассмотреть только три, но зато действительно ключевых, аспекта этой концепции:

1. статус ТПП (что именно разрешается делать в ТПП);
2. субъект пользования (владения) ТПП;
3. субъект(ы) контроля над:
 - (а) выделением ТПП,
 - (б) распределением ТПП между пользователями,
 - (в) соблюдением правил использования ТПП

Статус ТПП: во Временном положении Хабаровского края (далее - Положение) ТПП определяются как земли, переданные в

С. 320

"вечное пользование" малочисленным народам Севера для ведения традиционной хозяйственной деятельности. При этом в Положении представлены:

- (а) перечень всех отраслей "традиционного хозяйства",
- (б) перечень всех типов угодий, составляющих ТПП и, в частности, включающих также речные, озерные и морские (заливы) акватории и "культово-обрядовые места",
- (в) точное указание на то, что любое промышленное освоение минеральных и лесных ресурсов ТПП запрещено, промысловые охота и ловля рыбы на ТПП посторонними предприятиями и лицами могут быть разрешены только по согласию постоянных пользователей - представителей малочисленных народов Севера, любительские (нетоварные) собирательство и рыбная ловля на ТПП разрешены всем желающим.

Субъект пользования /владения/ ТПП: Положение передает ТПП "общинам" (статья 1.3) или "представительным органам" малочисленных народов Севера, т.е. их "ассоциациям - советам общин" и, одновременно, районным Советам (статья 1.4).

Субъекты контроля над выделением ТПП, распределением ТПП между пользователями и над соблюдением правил использования ТПП: Положение точно формулирует, что выделение ТПП относится к ведению краевых органов власти и что:

- (1) ТПП выделяются по представлению районных Ассоциаций малочисленных народов Севера и райисполкомов (т.е. районных органов власти);
- (2) распределение ТПП между пользователями проводится этими же самыми организациями и утверждается краевыми органами власти;

- (3) контроль за соблюдением правил пользования ТПП производится государственными (федеральными) службами охраны природы, лесного, водного, охотничьего и рыбного хозяйства; ответственность за соблюдение указанных правил несет пользователь - представители малочисленного народа в лице совета общин, Ассоциации, местных Советов.

Последнее является преимуществом, ибо если нет контроля и, следовательно, полномочной организации, осуществляющей его, то и вопросы возмещения ущерба либо получения компенсации от посторонних предприятий и лиц, вторгшихся на ТПП и своими действиями причинивших вред возобновимым природным ресурсам, становятся практически нерешаемыми без судебного разбирательства и специальных расследований. При наличии же контролирующих

С. 321

организаций, независимых от пользователей ТПП и промышленных предприятий, проблема определения реального ущерба разрешается достаточно просто и потому вопросы компенсаций могут достаточно оперативно решаться местными (районными) органами власти.

Реалии практического применения Временного положения в Хабаровском крае (по состоянию на начало 1995 г.). Рассмотренные в предыдущем разделе некоторые концептуальные тезисы Хабаровского краевого Положения о ТПП свидетельствуют, что оно отличается проработанностью и обоснованностью. Однако реальная практика применения этого Положения в течение 1991-1995 гг. внесла существенные коррективы и раскрыла ряд принципиальных недочетов этого Положения.

Во-первых, на практике сложились два класса субъектов, использующих ТПП:

- (а) "родовые общины" и "семейные общины" малочисленных народов Севера;
- (б) вновь образованные в начале - середине 1990-ых гг. частные предприятия, кооперативные хозяйства (обычно АОЗТ) и семейные хозяйства других групп населения, а также сохранившиеся государственные (бывшие совхозы, госпромхозы или их части) и коллективные (бывшие колхозы, коопзверопромхозы) предприятия с работниками, представляющими как коренные малочисленные народы Севера, так и другие этнические группы населения края.

В соответствии с этим и в рамках ТПП выделилось два класса земель:

- (1) "земли традиционной хозяйственной деятельности" малочисленных народов Севера (закрепленные за "родовыми" или "семейными" общинами формально на 20-25 лет, но с перспективой "постоянного пользования"; в январе 1995 г. составляли около 13,5 млн. га);

- (2) остальные ТПП (переданные в аренду на 20-25 лет, с правом последующего продления, частным предприятиям, кооперативам или семьям русских и представителей других национальностей, а также оставшиеся в пользовании бывших государственных и коллективных хозяйств⁷⁶; в январе 1995 г. составляли около 20,5 млн. га).

С. 322

"Земли традиционной хозяйственной деятельности", составляя часть ТПП, отличаются тем, что пользователи (родовые и семейные общины), благодаря льготам малочисленных народов Севера, полностью освобождены от уплаты налога на землю (который уже в 1995 г. стал перерастать из бывшего символического в достаточно ощутимый вид платежей). Как и все другие представители малочисленных народов Севера, ведущие традиционное хозяйство (включая работников бывших государственных и коллективных предприятий), члены общин пользуются и другими льготами - правом на бесплатную лицензию на примерно 50 кг лососевых (эта величина может меняться по годам или по районам края) в год на человека, на бесплатный (безлицензионный) вылов любой другой рыбы для собственного потребления, на бесплатные лицензии на отстрел копытных (для собственного потребления) и рубку леса на дрова и собственные строительные нужды.

Остальные ТПП, переданные в долговременную аренду, оплачиваются арендаторами через налог на землю, а также через налогообложение всех видов традиционной хозяйственной деятельности посредством оплачиваемых лицензий: на лов любой рыбы для продажи, а лососевых - и для собственного потребления; на отстрел большинства видов копытных (кроме небольшой доли бесплатных лицензий на добычу для собственного потребления, причем эта норма несколько ниже, чем у представителей коренных малочисленных народов Севера); на рубку дров и строительного леса для собственных нужд; на сбор дикоросов для продажи.

Лицензии на добычу пушных зверей, сбор лекарственных и большинства пищевых растений или орехов на продажу, вылов лососевых (для представителей малочисленных народов - свыше бесплатной нормы) оплачиваются в одинаковых размерах всеми пользователями ТПП и другими охотничье-промысловыми угодьями безотносительно типа предприятия и этнического происхождения работников. Кстати, наряду с новыми кооперативами, земельный налог по-прежнему вносят и бывшие государственные и коллективные хозяйства, хотя в них продолжают работать многие представители малочисленных народов Севера. В последнем случае за используемые промысловиками или оленеводами угодья платят не они

⁷⁶ В связи с реформами бывшие государственные и коллективные хозяйства сменили уже по несколько обозначений; далее они условно именуется "бывшими государственными и коллективными предприятиями", чтобы подчеркнуть их отличие от новых кооперативов и других предприятий, образованных на действительно добровольных началах и имеющих гораздо меньшую численность работников.

сами, а предприятие, в котором они работают (что, естественно, негативно отражается на их заработках).

С. 323

Бывшие государственные и коллективные предприятия традиционного сектора, особенно в южной зоне края, используют не только ТПП, но и другие промысловые и пастбищные угодья (на ТПП приходится около половины этих угодий). Отличие ТПП в том, что на них законодательно запрещены промышленное освоение и сплошные рубки леса, тогда как невходящие в ТПП охотничьи угодья формально открыты для лесозаготовок и других форм освоения. В плане режима природопользования "земли традиционной хозяйственной деятельности" ничем не отличаются от "остальных ТПП". Собственно, ТПП представляют собой резерв земель для удовлетворения современных, а также вероятных в обозримой перспективе, потребностей коренных малочисленных народов Севера в охотничье-промысловых угодьях и оленьих пастбищах при условии продолжающегося роста их численности в крае и сохранения сходного уровня занятости в традиционном секторе.

Итак, первое важное упущение Положения - отсутствие статей, регулирующих права предприятий и лиц, не принадлежащих к коренным малочисленным народам Севера, на использование ТПП (напомним - последние в начале 1995 г. использовали около 60% общей площади ТПП в Хабаровском крае).

Второй крупный недостаток - отсутствие статей, регламентирующих процесс создания и функционирования "родовых" и "семейных общин", и в первую очередь раскрывающих, в чем состоит отличие "общины" малочисленных народов от охотничье-промыслового или рыболовецкого АОЗТ, например, русских.

О неудачности выбранного термина - "родовые общины" - уже говорилось выше; в результате приходится называть "родовыми общинами" коллективы, где до половины и более работников - русские, или существующую в крае эвенкийско-негидальскую общину. Проблема в том, что льготы малочисленных народов Севера распространяются на всех членов "общин" (что совершенно справедливо), и это провоцирует людей других национальностей включаться в эти "родовые общины" из чисто экономических соображений. Видимо, требуется законодательное определение предельной доли представителей других народов в "общине", позволяющей считать последнюю общиной коренных малочисленных народов Севера и распространять на всех ее членов льготы, предоставленные этим народам⁷⁷.

⁷⁷ В частности, правовой статус супругов (например, русских или якутов) и детей от смешанных браков представителей коренных малочисленных народов Севера, входящих в общину, не должен отличаться от такового других членов общины.

Реально в крае "семейная община" или "родовая община" являются семейным предприятием либо кооперативом типа АОЗТ; последние насчитывают от 3-5 до 80 работников. ТПП эксплуатируются на правах коллективно-долевого пользования, что означает следующее:

- каждый работник имеет в пределах ТПП "собственные" угодья, выделенные ему лично в пользование на неограниченное время и с правом передачи права пользования наследнику; в случае ухода из общины этого работника используемые им угодья тоже исключаются из "земель традиционной хозяйственной деятельности" данной общины, но при условии, что уходящий работник продолжит их использование в традиционном хозяйстве;

- община не имеет права прекращать использование своих земель на длительные периоды времени (т.е. более чем на несколько лет), иначе эти земли изымаются и передаются в пользование другим [что контролируется и осуществляется государственными службами]; в равной степени сама община должна гарантировать постоянное использование индивидуальных угодий либо передавать освобождающиеся другим работникам;

- членами общины являются только "работники", т.е. люди, непосредственно занятые в традиционном хозяйстве (в частности, если жена работает в поселковой администрации или школе, то она не считается членом общины своего мужа); выделение земель ТПП общинам производится только по количеству работников в последних, с учетом ближайшей (нескольких лет) перспективы и исходя из местных (районных) нормативов обеспечения промысловиков и оленеводов различными типами угодий;

- на членов общин в полной мере распространяются все нормы ведения охоты, рыбной ловли, сбора дикоросов - контроль объема добычи через лицензирование, соблюдение сезонов добычи или полного запрета на промысел определенных видов, и т.п. [что осуществляется государственными службами].

Таким образом, реально существующие родовые и семейные общины, несмотря на их название, являются прежде всего хозяйственными предприятиями. Но в силу этого они в принципе не могут:

- (а) быть органами самоуправления малочисленных народов (ибо включают далеко не всех их представителей, живущих в одном селении);

- (б) выполнять функции контроля за выделением, распределением между пользователями, и соблюдением правил использования ТПП (поскольку сами выступают прежде всего в качестве одних из, но при этом не единственных, пользователей ТПП).

Следовательно, третьим недостатком Положения является отсутствие четкого определения того, кто именно может представлять малочисленные народы Севера в области контроля за использованием ТПП, а значит - фактически выступать в роли органа самоуправления этих народов, отличного от местных (сельских и районных) органов власти. (Положение отводит эти функции то общинам или советам общин, то Ассоциациям.)

Представляется, что именно сельские и районные Ассоциации, при условии регулярных и контролируемых местными органами власти выборов их руководства, могут стать выборными органами местного самоуправления малочисленных народов Севера. В частности, именно Ассоциации этого уровня должны получить право контроля за земле- и природопользованием, использованием ТПП и другими вопросами жизнеобеспечения наряду и наравне с местными органами власти (представляющими интересы всего полиэтничного населения) и даже с правом вето на решения властей в области природопользования, выделения и распределения ТПП между пользователями.

Наконец, в Хабаровском крае проявился еще один серьезный недостаток Положения; правда, это уже относится не к формулировкам законодательства, а к практике его соблюдения. В прямое нарушение Положения, объявляющего ТПП закрытыми для сплошных рубок в силу перевода всех лесов ТПП в 1-ую категорию (означающую особо охраняемые леса, где разрешены только выборочные, санитарные рубки и рубки ухода при запрете уничтожения лесного покрова), в пределах ТПП продолжают промышленные лесозаготовки в форме сплошных рубок на обширных площадях.

Так, в Ванинском районе была организована первая на Дальнем Востоке и послужившая примером зона традиционного природопользования орочей - Ванинский районный Совет всего через три недели после выхода Постановления Верховного Совета СССР от 27.11.1989 г. "О неотложных мерах экологического оздоровления страны", то есть 19.12.1989 г., в своем решении № 273 зафиксировал: "Закрепить бассейн реки Хуту от истоков до устья за малой народностью орочи для ведения традиционного природопользования"⁷⁸. Однако к середине

С. 326

1990-ых гг. общины орочей организовали, силами нанятых профессиональных лесорубов, промышленные рубки леса на собственных "землях традиционной хозяйственной деятельности". Точно такие же процессы развертывания промышленных сплошных рубок леса на выде-

ленных малочисленным народам Севера для ведения традиционного хозяйства территориях имеют место, по инициативе самих пользователей ТПП из числа аборигенов, и в Западной Сибири у селькупов, хантов и манси⁷⁹. Все это выглядит резким контрастом недавней упорной борьбе удэгейцев Приморья за сохранение лесов в бассейне реки Бикин от сплошных рубок иностранными компаниями. Тем не менее сведение лесов на ТПП легко объясняется бедственным положением населения, занятого в традиционном секторе экономики, и его стремлением получить любую возможную работу и заработки, а также восстановить снабжение и транспортные связи с городами; некоторые общины используют при этом возможность получения доли прибыли от продажи леса даже без затрат собственного труда.

Местные и краевые власти, а также государственные службы по контролю за природопользованием в равной мере закрывают глаза на данную практику, поскольку:

- (а) вынуждены считаться с кризисом традиционного сектора, отсутствием доходов у занятых в нем людей, и потому признают право этих людей на работу и заработок;
- (б) осознали ошибочность своих первоначальных предположений о развитии экономической конъюнктуры⁸⁰ в лесном секторе и потому де-факто более не признают формулировки Положения об охране лесного покрова на ТПП.

Последнее, видимо, объясняется тем, что рентабельность лесозаготовок упала намного сильнее, чем предполагалось в самом начале 1990-ых гг., и потому огромные площади лесов превратились в экономически недоступные из-за отдаленности, сложности рельефа в местах планировавшихся рубок и т.п. экономических причин; в результате резко возросло значение наиболее удобно расположенных лесных территорий, где сплошные рубки и вывоз леса все еще рентабельны. Подобное резкое сокращение экономически эффективной ресурсной базы лесной промышленности делает доступные местности в ТПП также гораздо более важными резервами для рубок леса, чем считалось всего несколько лет назад при

C. 327

принятии Положения с его запретом на сплошные рубки и сведение лесного покрова.

Видимо, эти тревожные факты необратимого разрушения природно-ресурсного потенциала ТПП должны только усилить ту часть закона, что регламентирует права и обязанности государственных служб охраны природы (Госкомэкология), лесного хозяйства (Рослесхоз), охотничьего хозяйства (Главохота), рыбного хозяйства (Роскомрыболовство) по мониторингу состояния возобновимых природных ресурсов на ТПП и обеспечению такого режима приро-

⁷⁸ Старцев А.Ф. К вопросу о закреплении этнической территории..., 1994, с. 17.

⁷⁹ Gulevsky A.N., Simchenko Yu.B. Economy of Peoples ..., 1994, p. 36.

допользования, который гарантировал бы поддержание ресурсного потенциала ТПП на уровне, достаточном для ведения традиционного хозяйства нынешними и будущими пользователями ТПП. Следовательно, хищническое использование лесных и других ресурсов должно быть запрещено не только посторонним предприятиям и лицам, но и самим пользователям ТПП, включая и “родовые общины” коренных малочисленных народов Севера. Речь должна идти именно о прекращении хищнического использования и, в частности, сплошных рубок леса на больших площадях. С другой стороны, в некоторых местностях ограниченные лесозаготовки в виде рубок ухода или выборочных рубок могут оказаться экономически эффективными и при этом не наносить серьезного ущерба развитию охоты или рыболовства - следовательно, нет никаких оснований полностью запрещать их на ТПП и тем самым лишать пользователей ТПП возможности увеличить свои доходы.

Освоение территорий традиционного природопользования и возможные изменения в расселении коренного населения и малочисленных народов Севера

Выше уже говорилось о программах 1960-ых - 1970-ых гг. по селению коренных жителей Севера в крупные центральные поселки и по перераспределению угодий между охотниками и оленеводами в рамках укрупненных совхозов и госпромхозов. Основой для них стало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 300 от 16.03.1957 г. “О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера”⁸¹. Перегруппировка и трансформация как системы расселения, так и системы раздела и использования угодий оказалась очень существенной и стала с тех пор правилом на современном Севере. Концентрация населения в отдельных крупных поселках сделала некоторые традиционно использовавшиеся угодья недоступными, и они оказались вообще выведенными

С. 328

из хозяйственного освоения, тогда как на более доступных угодьях стали часто наблюдаться негативные экологические последствия перепромысла дичи и пушных зверей или перевыпаса на оленьих пастбищах.

На фоне ставшего скорее правилом относительно недавнего переселения современных представителей малочисленных народов Севера, ведущих традиционное хозяйство, с территорий их непосредственных предков в отдельные наиболее крупные поселки и сопровождавшего данный процесс значительного изменения в исторически сложившемся распределении пастбищ и угодий между семьями и династиями оленеводов и охотников, разразился глубо-

⁸⁰ Явно недооценены были масштабы роста транспортных расходов и в первую очередь стоимости горючего, что сделало обширные площади лесов неперспективными для лесоразработок с точки зрения рентабельности.

⁸¹ Неотрадиционализм на российском Севере ..., 1994, с. 132, 137-138.

чайший кризис традиционного хозяйства начала 1990-ых гг. Достаточно указать, что в 1994 г. полностью прекратилось государственное финансирование традиционного сектора экономики, который, напомним, был планово-убыточным еще в советский период, то есть до резкого относительного роста цен на транспортное обслуживание и горючее в ходе рыночных реформ⁸². Закупки продукции традиционного сектора экономики прекратились как экономически нерентабельные, и население практически лишилось заработной платы. Одновременно началось выделение “территорий традиционного природопользования” и закрепление их участков в качестве “родовых угодий” за представителями малочисленных народов Севера, а также реорганизация либо просто распад государственных и коллективных хозяйств типа совхозов, госпромхозов и т.п.

В такой ситуации получило определенное развитие переселение из поселков на земли предков части коренных северян, получивших в долгосрочное либо бессрочное пользование эти угодья и организовавших там семейные, общинные (“родовые”) либо кооперативные оленеводческие или охотничье-промысловые хозяйства. Таким образом, начался обратный стихийный процесс рассредоточения ведущего традиционного хозяйства населения по земельным угодьям, которые осваивали их прямые предки. Этот процесс был замечен, теоретически обобщен и обоснован, и в итоге он лег в основу современных региональных⁸³ и общероссийских⁸⁴ концепций развития и сохранения культуры и образа жизни малочисленных

С. 329

народов Севера - концепций, радикально порывающих с советскими программами “насильственной модернизации”, которые реально приводили к свертыванию традиционного хозяйства этих народов.

Фактически этот процесс стал специфической северной формой идущих и в других социо-культурных и природно-хозяйственных условиях нашей страны процессов частичной “ретрадиционализации” (социо-культурной демодернизации), или социальной архаизации и усиления элементов натурального хозяйства у жителей сельской местности.

Итак, часть ведущих традиционное хозяйство жителей Севера самостоятельно (добровольно или вынужденно, под давлением обстоятельств) покидают крупные поселки. Но этот процесс, формально выглядящий как еще одно “переселение”, его участниками и другим ме-

⁸² О государственной политике в северных регионах (парламентские слушания) // Этнополис (Этнополитический вестник России), 1995, №2, с. 90.

⁸³ См., например, западно-сибирский вариант - Васильев В.И., Малиновская С.М. Концепция национально-политического, экономического и культурного развития малочисленных народов Севера Томской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 54. М.: Институт этнологии и антропологии, 1993, с. 9- 10.

⁸⁴ Неотрадиционализм на российском Севере ..., 1994, с. 131-139.

ственным населением воспринимается совершенно иначе - как “возвращение” на земли предков. Остающиеся же в этих поселках аборигены либо окончательно решили порвать с традиционным хозяйством и образом жизни, либо же пока не решаются сделать выбор в пользу возвращения на земли предков и к их образу жизни, хозяйству и бытовой культуре.

С точки зрения Пилотного проекта принципиально важно отметить в этой связи следующее - на современном российском Севере вполне возможны и даже приемлемы для коренного местного населения программы, внешне выглядящие как переселение жителей некоторых даже крупных поселков в случае развития на их базе лесозаготовительной промышленности. Это реально даже тогда, когда часть населения представлена малочисленными народами Севера, если, конечно, эти поселки сами являются результатом недавних насильственных сселений аборигенов и если у последних их традиционные, освоенные недавними предками угодья в основном оказываются вне пределов планируемой лесосырьевой базы. Это объясняется тем, что:

- (а) процессы переселений аборигенов и изменений в их землепользовании и хозяйстве сейчас не просто продолжаются, но резко активизировались;
- (б) часть аборигенов, пока еще живущих в поселках, может согласиться на переселение на земли предков и на переход к традиционному хозяйству и образу жизни при выполнении ряда условий, таких как: налаживание государственной поддержки традиционного сектора (прежде всего гарантированная скупка продукции), принятие федеральных законов о статусе территорий традиционного природопользования, гарантирующих этим людям

С. 330

возможность постоянно использовать “родовые земли”, передавая это право своим потомкам, и вести традиционное хозяйство, обеспечивающее им и их семьям приемлемый уровень жизни;

- (в) окончательно остающиеся в поселках представители коренных малочисленных народов Севера решили полностью порвать с традиционным хозяйством и потому гипотетически могли бы или вновь согласиться на переселение в другие поселки при гарантиях трудоустройства на новом месте и обеспечения равноценным жильем, либо же найти новую работу в лесозаготовительных предприятиях.

Наконец, и в недавнем историческом прошлом этих народов часто встречались случаи перехода отдельных семей из одной общины в другую, а также и дальние миграции общин или отдельных семей. Таким образом, традиционные общинные механизмы землепользования и перераспределения угодий способны на определенную пластичность и гибкость. Вероятно, многие семьи или общины и сейчас могут согласиться на частичную смену освоенной

территории при условии равнозначной замены отчуждаемых угодий и компенсаций за потерю тех земель, что уже были ими хорошо освоены, жесткой привязанности общины ко всей “родовой территории” не было ранее и нет сейчас, однако такая привязанность безусловно имеет место в отношении некоторых священных или исторически важных местностей либо особенно продуктивных угодий и маршрутов кочевков. Но в последнем случае ситуация в каждой местности сугубо уникальна, и общих соображений здесь высказать невозможно, кроме тривиального вывода о необходимости учета данного фактора.

Некоторые выводы и рекомендации по проблемам землепользования коренного населения, занимающегося традиционными отраслями хозяйства

Представляется, что сказанное выше можно резюмировать и на этой основе высказать некоторые самые общие предложения по реализации Пилотного проекта, чему посвящен следующий раздел; сюда же введены некоторые соображения о возможных инициативах, связанных с осуществлением проекта.

Однако имеет также смысл предложить и некоторые конкретные задачи и пути сбора информации при осуществлении Пилотного проекта, чему посвящена заключительная часть работы.

Перспективы землепользования коренного населения лесной зоны.

Исходя из приоритета двух задач - соблюдения прав коренных малочисленных народов Севера на сохранение традиционного

С. 331

хозяйства и образа жизни и уточнения доступной для освоения лесосырьевой базы - можно сделать следующие общие *выводы для Пилотного проекта* по развитию устойчивого лесопользования:

1.) Аборигенное население России, представленное коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока, является:

- (а) юридически строго определенной категорией населения;
- (б) имеет законом определенные льготы и особые права на пользование землями лесного фонда в рамках ведения традиционного хозяйства;
- (в) отличается повышенными темпами роста численности и практически не выезжает из районов своего проживания в ходе начавшегося в 1990-ые гг. массового выезда преимущественно недавних переселенцев из отдаленных районов Севера, Сибири и Дальнего Востока (см. Приложение);
- (г) достаточно хорошо организовано (благодаря Ассоциации народов Севера и ее региональным, районным подразделениям) и приобрело опыт отстаивания своих прав на сохра-

нение традиционной культуры и хозяйства, то есть на постоянный доступ к нетронутым лесным экосистемам.

2.) Правовой статус малочисленных народов Севера, ведущих традиционное хозяйство, пока еще не окончательно определен на уровне Федерального корпуса законов, хотя на региональном уровне законодательная база достаточно велика, но отчасти противоречива. Следовательно, на основе принятого весной 1999 г. Федерального Закона “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” и после принятия федеральных законов о территориях традиционного природопользования и об общинах этих народов, произойдет некоторый пересмотр регионального законодательства с целью его совмещения с базовыми положениями федеральных законов. Можно обоснованно предположить, что в целом объем прав аборигенных народов Севера на сохранение традиционной культуры, хозяйства и образа жизни, а значит и права на использование традиционно освоенных ими лесных территорий, как минимум не уменьшится.

3.) Интересы традиционного землепользования народов Севера, практикующих охоту, собирательство и оленеводство, часто вступают в прямое противоречие с интересами лесозаготовительных предприятий, ибо аборигенам для ведения хозяйства, а значит и для сохранения культуры и выживания в качестве народов, необходимо использование нетронутых либо слабоизмененных лесных экосистем. К тому же недавняя история (исключая поздний

С. 332

советский период) и современная политика укрепили традиционные представления этих народов о праве на использование лесных угодий на постоянной основе с передачей этого права по наследству своим прямым потомкам. Промышленные сплошные рубки леса на занятых ими территориях с этим явно несовместимы.

4.) Коренные малочисленные народы России, ведущие традиционное хозяйство, являются лишь одной и далеко не самой многочисленной из примерно десяти социальных групп лесопользователей России, но именно они в наибольшей степени зависят от сохранения лесных экосистем на используемых ими территориях. Однако их интересы в сфере лесопользования не противостоят интересам большинства других групп лесопользователей (семи из десяти).

5.) Конечные интересы аборигенного населения полностью совместимы с задачей сохранения биоразнообразия в лесной зоне на уровне видов и экосистем, ибо только обеспечение данной задачи является гарантией сохранения традиционного хозяйства и культуры, а следовательно и самих носителей данной промыслово-оленьеводческой культуры, на этих территориях. *Условие сохранения лесов* от сплошных рубок, пожаров и вспышек численности

вредителей леса одновременно *является и условием сохранения* хозяйства, культуры, образа жизни и самого существования *этих народов* в качестве отдельных этнических общностей.

Следовательно, возможно и необходимо тесное взаимодействие и сотрудничество органов лесного хозяйства, охраны природы, экологической общественности и представителей малочисленных народов Севера, ведущих традиционное хозяйство, по поиску и нахождению взаимоприемлемых компромиссов в тактических вопросах природопользования, ведь стратегические цели у них общие.

Из вышесказанного вытекает общее предложение по учету прав и интересов коренных малочисленных народов России при осуществлении Пилотного проекта. Представим, однако, несколько исходных положений, предваряющих и обосновывающих указанное предложение:

- определение доступной для освоения лесосырьевой базы в практически всех районах (за исключением двух с самой малой площадью) Хабаровского края и в перспективном с данной точки зрения Енисейском районе Красноярского края принципиально невозможно без точного и полного учета прав местного аборигенного населения на сохранение традиционной культуры и хозяйства, а следовательно и на беспрепятственный доступ к используемым ими лесным экосистемам в их исходном (ненарушенном рубками) состоянии;

С. 333

- полный учет прав коренных малочисленных народов Севера, ведущих традиционное хозяйство, на сохранение в их пользовании освоенных еще их предками лесных экосистем невозможен в ситуации, когда эти права на землю определены только региональными законодательными актами временного характера в отсутствие федерального закона, ибо остается высокая вероятность пересмотра региональных законов после принятия федерального;

- каким бы ни был этот возможный пересмотр временных региональных законов о правах ведущих традиционное хозяйство коренных малочисленных народов Севера на земли Лесного фонда, он в принципе способен внести существенные коррективы в размеры доступной лесосырьевой базы (как уменьшив, так и увеличив ее) и тем самым изменить предполагаемые сейчас условия организации и рентабельности лесозаготовок, закладываемые в проекты.

Следовательно, *имеет смысл выйти в Правительство РФ и в Государственную Думу РФ с инициативой ускорить принятие*⁸⁵ столь необходимого сейчас *Федерального закона об основах правового статуса малочисленных народов Севера*, который бы регулировал их пра-

⁸⁵ Этот Федеральный Закон "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" был принят весной 1999 г., но он не включает в себя определения прав на территории традиционного природопользования

ва на пользование землями Лесного фонда в целях развития традиционного хозяйства и тем самым определял бы исходные условия и ограничения для расчета доступной лесосырьевой базы лесной промышленности, финансирование которой предполагается на следующем этапе реализации Лесного проекта. Желательно также просить принять этот рамочный закон в комплексе с более детальными законами, регламентирующими земельные права малочисленных народов Севера, - законом о территориях традиционного природопользования и законом об общинах малочисленных народов Севера, ведущих традиционное хозяйство.

Поскольку Пилотный проект не замыкается только на интересах лесной промышленности, но уделяет первостепенное внимание оптимизации работы лесного хозяйства, поддержанию экологических функций лесов и осуществлению прав коренного населения на традиционное использование земель Лесного фонда, позволю себе изложить некоторые *конкретные предположения* о возможном комплексном подходе к решению этих задач. В случае согласия на осуществление указанной выше законодательной инициативы можно было бы предложить, после их обсуждения и доработки другими

С. 334

экспертами, изложенные ниже общие положения как *возможный подход к законодательному оформлению концепций территорий традиционного природопользования и прав коренных малочисленных народов Севера на развитие традиционного хозяйства.*

В основу законодательства о “территориях традиционного природопользования” (далее - ТПП) коренного населения, ведущего традиционное хозяйство, может быть положена *идея о полифункциональности ТПП*, сочетающая следующие подходы к обоснованию важного значения ТПП для государства и общества.

1.) *Экономический подход* требует: (а) выделения "традиционного сектора экономики" в качестве особого комплекса отраслей хозяйства; (б) признания государством своей ответственности за дальнейшее развитие данного сектора экономики, и в частности - права этого сектора на государственные субсидии [как это признано в отношении сельского хозяйства либо угольной промышленности страны]; (в) определения ТПП как ключевого элемента традиционного сектора.

2.) *Социальный подход* диктует необходимость: (а) признания государством права занятых в традиционном секторе экономики на работу (на занятость) и, следовательно, на сохранение ТПП в состоянии, отвечающем потребностям традиционного хозяйства; в случае же потери работы вследствие государственной экономической политики работники тради-

коренных малочисленных народов Севера - это планируется сделать в законах о территориях такого рода или об общинах этих народов.

ционного сектора, как и любого другого сектора экономики, должны иметь право на пособие по безработице либо на обучение новым профессиям с последующим трудоустройством (возможно, в последнем случае расходы будут столь велики, что легче окажется субсидировать предприятия традиционного сектора); (б) обеспечения жителей отдаленных поселков и районов, в том числе занятых в традиционном секторе, транспортными связями с городскими центрами при условии такого уровня субсидирования транспорта, который сделает его доступным основной массе жителей (транспортное обслуживание является признанной обязанностью государства в городах и сельской местности Центральной России, но то же самое должно быть и на Севере; последнее условие способно оживить производство и вывоз продукции традиционного хозяйства).

3.) *Экологический подход* основан на признании того, что ТПП уже сейчас официально считаются одним из 12 видов "особо охраняемых природных территорий" страны, этот статус должен укрепляться и развиваться вплоть до тех пор, когда сохранение ТПП станет рассматриваться государством как самоценная, с точки зрения охраны природы, задача, и, следовательно, некоторые экономические

C. 335

потери от выделения земель в ТПП будут приниматься в качестве затрат на охрану окружающей среды. ТПП по своему определению полностью выполняют функции охраны биоразнообразия /biodiversity conservation/ на уровне как экосистем, так и видов, а также обеспечивают экологически устойчивое экономическое развитие /sustainable development/ на соответствующих территориях.

4.) *Этнокультурный подход* базируется на общепризнанном мнении о нерасторжимой связи этнической культуры и производственной деятельности в сфере традиционного хозяйства, характерной для коренных малочисленных народов Севера, которые полностью соответствуют категории "аборигенного" населения и как таковые должны пользоваться правами на определенные льготы и приоритетные возможности в сфере земле- и природопользования; следовательно, выделение ТПП в пользование малочисленных народов Севера должно рассматриваться как: (а) соблюдение их неотъемлемых прав, (б) решающая помощь в сохранении этих народов в качестве носителей уникальных культурных традиций.

Возможно, дальнейшее развитие идеи о полифункциональности ТПП будет реально способствовать скорейшему законодательному оформлению этой концепции на уровне федерального законодательства, которое должно прийти на смену временным законодательным актам региональных органов власти.

Рекомендации по сбору информации и согласованию проектов развития

лесной промышленности в районах расселения коренных народов

Противоречие интересов аборигенного населения и лесозаготовительных предприятий в сочетании с юридически закрепленными правами коренных малочисленных народов Севера на традиционное использование заселенных ими лесных земель требуют, чтобы в основе любых планов развития лесозаготовок лежало:

(1) *выяснение современной картины расселения и землепользования представителей коренных малочисленных народов Севера в соответствующем районе:*

- осуществляется посредством контактов с региональным управлением лесного хозяйства (где должны быть документы и статистические сводки о фактах выделения и о конкретных площадях и границах территорий Лесного фонда, переданных в пользование семьям или общинам-”родам” аборигенов) и дублированием этой информации в результате контактов с управлением Администрации региона, отвечающим за социальную и национальную политику, а

С. 336

также с представителями региональной Ассоциации коренных малочисленных народов Севера.

(2) *определение региональной юридической базы землепользования этих народов, включая границы и статус территорий традиционного природопользования и условия использования в их пределах родовых земель (земель, выделенных конкретным общинам и семьям):*

- осуществляется параллельно с выполнением первого этапа и посредством контактов с теми же организациями и лицами; абсолютно необходимо уточнить, одинаково ли трактуются права и обязанности представителей коренных малочисленных народов Севера, использующих земли Лесного фонда, их общественными лидерами и работниками лесного хозяйства региона.

(3) *выяснение мнения общественных лидеров и представителей этих народов о перспективных планах развития лесной промышленности и о путях и возможностях поиска компромиссного решения, могущего в принципе устроить обе стороны.*

- осуществляется путем переговоров с представителями региональной и районных отделений Ассоциации малочисленных народов Севера.

(4) *на этапе подготовки проекта — знание позиции конкретных пользователей территориями, попадающими в сферу действия проекта, в лице представителей семейных и общинных (“родовых”) хозяйств, за которыми закреплены данные территории:*

- осуществляется только при условии выезда в районы и сельские администрации (сельсоветы) и личных встреч разработчиков проектов с членами семейных и родовых хозяйств в

присутствии представителей районной или региональной Ассоциации и районных или местных органов власти; вероятно, в целях исключения в будущем конфликтов желательно оформлять эти встречи в виде протокола о самом факте переговоров или протокола о намерениях и исходных позициях сторон.

С. 337